

САНКТ ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет

Кафедра английской филологии и перевода

ДАНИЛКИНА Мария Алексеевна

**ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
КОНФРОНТАЦИОННОГО ДИАЛОГА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА
РУССКИЙ**

Магистерская диссертация

**Научный руководитель
к.ф.н., доц. Шилова С.В.**

Санкт-Петербург

2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1 ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНФРОНТАЦИОННОГО ДИАЛОГА И ПОНЯТИЕ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ	7
1.1. Понятие прагматической эквивалентности: современный статус исследования	7
1.1.1. Прагматическая эквивалентность как один из уровней переводческой эквивалентности	8
1.1.2. Прагматическая эквивалентность и родственные понятия ...	12
1.2. Определение конфронтационного диалога: подходы к его интерпретации в переводческом аспекте.....	20
1.2.1. Единицы анализа конфронтационного диалога	22
1.2.2. Конфронтационный диалог как нарушение Принципа Кооперации.....	25
1.2.3. Конфронтационный диалог как нарушение Принципа Вежливости.....	27
1.3. Конфронтационный диалог в сопоставительном аспекте.....	29
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	31
ГЛАВА 2 ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В КОНФРОНТАЦИОННОМ ДИАЛОГЕ	32
2.1. Реализация прагматической эквивалентности в зависимости от видов конфронтационных интенций	32
2.2. Прагматическая эквивалентность в конкурирующих КД.....	33
2.2.1. Прагматическая эквивалентность в конкурирующих КД с доминирующим интерактивным актом побуждения.....	33

2.2.2. Прагматическая эквивалентность в конкурирующих КД с доминирующим интерактивным актом несогласия	39
2.2.3. Прагматическая эквивалентность в конкурирующих КД с доминирующим интерактивным актом запроса.....	46
2.3. Прагматическая эквивалентность в конфликтующих КД.....	49
2.3.1. Прагматическая эквивалентность в конфликтующих КД с доминирующим речевым актом упрека	50
2.3.2. Прагматическая эквивалентность в конфликтующих КД с доминирующим речевым актом обвинения.....	62
2.3.3. Прагматическая эквивалентность в конфликтующих КД с доминирующим речевым актом выражения агрессии	67
2.3.4. Прагматическая эквивалентность в конфликтующих КД с доминирующим речевым актом выражения возмущения	73
2.3.5. Прагматическая эквивалентность в конфликтующих КД с доминирующим речевым актом выражения раздражения	75
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	77
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	80
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	83
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ.....	91
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СПРАВОЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ	92
СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	92

ВВЕДЕНИЕ

Работа посвящена анализу переводов конфронтационного диалога с английского языка на русский с точки зрения прагматической эквивалентности. Под конфронтационным диалогом (далее КД) в работе понимается речевая интеракция, в которой наблюдается вербальное противодействие хотя бы одного из коммуникантов другому. КД занимает важное место как в художественной литературе, так и в повседневном дискурсе и, несомненно, требует особого внимания исследователя. КД невозможно рассматривать отдельно от прагматической составляющей, поэтому особую значимость приобретает понятие прагматической эквивалентности.

Актуальность исследования обусловлена тем, что оно выполнено в русле прагматического направления в переводоведении – одной из наиболее современных и перспективных концепций перевода. О важности изучения прагматических аспектов перевода писали многие отечественные и зарубежные лингвисты (А.Д. Швейцер, В.Н. Комиссаров, J. House, M. Morini и др.). Явление прагматической эквивалентности до сих пор недостаточно изучено. Так, пока мало исследований, посвященных ее частным проявлениям. Например, насколько нам известно, анализу прагматической эквивалентности в КД, как и переводу КД вообще, до сих пор не было посвящено ни одного исследования.

Проблемы КД нашли отражение в ряде работ по прагматике и психологии (И.И. Гулакова, Л.А. Заворуева, Н.В. Виноградова, В.В. Королёва, К.Ф. Седов, А. Thomas и др.), однако внимание в них ограничивалось в основном на изучении стратегий и тактик КД в рамках одного языка. Вплоть до настоящего времени КД не изучался в переводческом аспекте.

Объектом исследования является перевод КД с английского языка на русский.

Предмет исследования – способы достижения прагматической эквивалентности в переводах КД с английского языка на русский.

Целью диссертации является получение системного многопланового представления о способах достижения прагматической эквивалентности при переводе английского КД на русский язык.

Поставленная цель требует решения более частных **задач** исследования:

- 1) дать определение понятиям прагматической эквивалентности и конфронтационного диалога;
- 2) выявить лингвистические маркеры КД;
- 3) определить прагматические характеристики конфронтационных диалогов в текстах оригинала и текста перевода при помощи прагматического анализа;
- 4) создать релевантную для целей исследования классификацию КД;
- 5) обозначить приемы достижения прагматической эквивалентности с учетом функционально-прагматических проявлений вербальной конфронтации;
- 6) выявить способы передачи на языке перевода маркеров конфронтации при помощи переводоведческого анализа КД в пьесах англоязычных авторов и их переводах на русский язык;

В качестве основных **методов исследования** в работе использовались дискурсивный и прагматический анализ, переводоведческий анализ, метод сопоставительного анализа оригинала и переводов, элементы метода опроса.

Материалом исследования послужили 350 микродиалогов на английском языке, собранные методом сплошной выборки с 1800 страниц текста произведений художественной прозы и драматургии английских авторов XX и XXI веков и их переводы на русский язык.

Теоретической базой исследования послужили работы, посвященные диалогической речи и теории интеракции (Л.П. Чахоян, А.Г. Поспелова, И.М. Джобава), теории речевых актов (Л.П. Чахоян, Т.Н. Шеллингер, А.Г.

Поспелова, Ю.В. Перлова, J.L. Austin, J.R. Searle) и теории перевода (А.Д. Швейцер, Г. Егер, Л.К. Латышев, М. Baker, J. House, M. Morini).

Апробация работы прошла на XX Открытой конференции студентов-филологов в СПбГУ (Санкт-Петербург, апрель 2017). Отдельные положения работы также представлены в следующей **публикации**:

Данилкина М.А. К вопросу о месте прагматической эквивалентности в ряду синонимичных терминов // Инновационная наука. – Уфа: Аэтерна, 2017. – С. 56-57.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии, списка источников примеров и приложения.

Во **введении** дается общая характеристика работы.

Первая глава посвящена теоретическим основам исследования, определению терминов прагматической эквивалентности, конфронтационного диалога, рассмотрению различных подходов к интерпретации КД.

Во **второй главе** производится сопоставительный анализ фрагментов КД в текстах оригинала и их переводах на русский язык. Устанавливаются закономерности перевода отдельных классов КД.

В **заключении** подводятся общие итоги исследования.

ГЛАВА 1 ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНФРОНТАЦИОННОГО ДИАЛОГА И ПОНЯТИЕ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ

Глава посвящена описанию теоретических основ исследования КД в переводческом аспекте. В первом параграфе рассматриваются вопросы, связанные с определением понятия прагматической эквивалентности. Во втором параграфе определяется и интерпретируется понятие КД. В третьем параграфе КД рассматривается в сопоставительном аспекте и решаются вопросы, связанные с его переводом. Перейдем к рассмотрению понятия прагматической эквивалентности.

1.1. Понятие прагматической эквивалентности: современный статус исследования

В середине XX века можно было наблюдать усиление интереса лингвистов к прагматике, который отразился и на переводоведении. Образовалось целое направление прагматики перевода, в основу которого легло понимание перевода как направленного речевого действия (Gutt 1998 : 52; Hickey 1998a; Richardson 1998 : 137; Morini 2008 : 37). Это привело в частности к переосмыслению переводческой эквивалентности – центрального понятия теории перевода. Если раньше переводческая эквивалентность рассматривалась исключительно на уровне семантики текста, то позже в фокус интереса попали прагматические аспекты перевода, что привело к возникновению понятия «прагматической эквивалентности». Несмотря на то, что в настоящее время существует множество разных трактовок данного термина, которые будут рассмотрены ниже, общим для них является признание приоритета коммуникативного намерения автора над формальными характеристиками оригинала. Кроме того, практически все теоретики перевода, использующие термин прагматической эквивалентности, признают, что коммуникативное намерение должно быть

передано на язык перевода с учетом особенностей воспринимающей аудитории.

В целом надо отметить расхождение в понимании прагматической эквивалентности у представителей разных школ. Кроме того, многие исследователи (Morini 2008; Morini 2013; Gutt 1998; Hervey 1998; Malmkjær 1998; Richardson 1998) обращают внимание на прагматические аспекты перевода, не пользуясь при этом термином прагматической эквивалентности, хотя круг исследуемых вопросов может пересекаться. И наконец, существует множество синонимичных терминов, обозначающих разные стороны понятия, которое в данной работе обозначается как прагматическая эквивалентность. В данном параграфе предпринимается попытка как можно более полно описать понятие прагматической эквивалентности с учетом выше перечисленных моментов.

1.1.1. Прагматическая эквивалентность как один из уровней переводческой эквивалентности

Основоположником понятия прагматической эквивалентности в отечественном переводоведении можно считать А.Д. Швейцера (Швейцер 1988), хотя отдельные идеи, которые легли в основу данного понятия, высказывались и до него, а сам термин употреблялся еще В. Коллером в 1979 г. Прагматическая эквивалентность описывалась А.Д. Швейцером как инвариант перевода, т.е. нечто, отличающее небуквальный перевод от пересказа (Швейцер 1988 : 88). Ученый рассматривает сохранение прагматического инварианта как минимальное требование, предъявляемое к переводу. В самом общем смысле под инвариантом исследователь понимает соответствие коммуникативной интенции отправителя коммуникативному эффекту получателя (Швейцер 1988 : 94). На прагматическом уровне учитываются такие факторы как коммуникативная интенция, коммуникативный эффект, установка на адресата и т.д. (Швейцер 1988 : 86). Многие отечественные лингвисты вслед за А.Д. Швейцером стали

рассматривать прагматическую эквивалентность как обязательный компонент перевода. Эта точка зрения разделяется, например, З.Г. Прошиной, Е.А. Ковальчук и др. (Прошина 2008 : 28; Карповская 2011 : 98; Ковальчук 2015 : 511).

В своем понимании прагматической эквивалентности А.Д. Швейцер основывался на уровневой модели перевода, предложенной В.Н. Комиссаровым (Комиссаров 1990 : 51). Поэтому представляется уместным рассмотреть разработки, которые легли в основу представления многих отечественных лингвистов о прагматической эквивалентности. В.Н. Комиссаров выделяет пять типов эквивалентности: первые три типа связаны с передачей функционально-ситуативного содержания оригинала, которая возможна при значительном отклонении семантики перевода от семантики оригинала, а четвертый и пятый тип эквивалентности связаны с максимально точной передачей семантики языковых единиц, т.е. с сохранением максимально возможной близости значений соотнесенных синтаксических и лексических единиц (Комиссаров 1990 : 69-70). Надо отметить, что при допустимом значительном отклонении от оригинала в первых трех типах в обязательном порядке сохраняются три аспекта: цель коммуникации, указание на ситуацию и способ ее описания (Комиссаров 1990 : 69). Рассмотрим подробнее первые три типа эквивалентности, которые, как представляется, в той или иной мере совпадают с прагматической составляющей текста или высказывания. Первый тип эквивалентности заключается в сохранении в ТП только самого необходимого содержания оригинала – его коммуникативной цели и описывает такой перевод, который обнаруживает самые большие формальные расхождения с ИТ. Второй тип характеризуется не только сохранением в переводе коммуникативной цели, но и соотнесенностью ИТ и ТП с общей внеязыковой ситуацией. Однако, на этом уровне для описания ситуации используются разные понятия, т.е. все еще сохраняется значительное отклонение от семантики оригинала. Третий тип сохраняет не только коммуникативную цель и соотнесенность с одной и

той же ситуацией, но и способ ее описания. Однако здесь все еще отсутствует параллелизм словарного состава и синтаксической структуры высказывания – эти параметры учитываются в последних двух из пяти типов эквивалентности (Комиссаров 1990 : 51). Таким образом, наблюдается восхождение от самого грубого по формальным характеристикам перевода к более точному, при том что минимальным необходимым компонентом признается сохранение коммуникативной цели высказывания. Самый точный перевод на функционально-ситуативном уровне сохраняет три компонента оригинала: коммуникативную цель высказывания, соотнесенность с одной и той же ситуацией и способ ее описания.

Как уже отмечалось выше, идея иерархической модели перевода получила дальнейшее развитие в работах А.Д. Швейцера. Исследователь предлагает иерархическую модель уровней эквивалентности с учетом трех семиотических измерений – синтактики, семантики и прагматики, в соответствии с которыми он выделяет четыре уровня эквивалентности (от самого низкого к самому высокому): 1) синтаксический, 2) семантический компонентный, 3) семантический референциальный и 4) прагматический. Минимальное требование, предъявляемое к переводу – соблюдение эквивалентности на прагматическом уровне. Каждый уровень эквивалентности предполагает наличие эквивалентности на всех более высоких уровнях (Швейцер 1988 : 83-87).

Как видно, в обеих моделях признается существование некоторого минимально необходимого уровня эквивалентности, функционально доминирующего над остальными. Однако, как отмечает А.Д. Швейцер, модели отличаются тем, что у В.Н. Комиссарова в качестве главного компонента признается цель высказывания, тогда как А.Д. Швейцер признает главенствующую функцию за коммуникативным эффектом. По мнению исследователя, достижение коммуникативного эффекта подразумевает достижение коммуникативной цели, поэтому понятие коммуникативной цели подчинено понятию коммуникативного эффекта (Швейцер 1988 : 82). Однако

ошибочно было бы утверждать, что понятие коммуникативного эффекта полностью отсутствует в модели перевода, предложенной В.Н. Комиссаровым. Как отмечает Д.А. Гусаров, коммуникативный эффект определяется тремя факторами: содержанием высказывания, характером составляющих высказывание знаков и воспринимающим рецептором (Гусаров 2008 : 102). Таким образом, различие заключается не в признании или непризнании принципиальной роли коммуникативного эффекта, а в определении последнего. Если в понимании А.Д. Швейцера понятие коммуникативного эффекта остается довольно неопределенным, то в понимании В.Н. Комиссарова оно четко связано с содержанием языковых знаков.

Принципиально другое понимание уровней эквивалентности предлагается зарубежными лингвистами – В. Коллером и М. Бейкер. Швейцарский ученый В. Коллер в 1979 г. предложил выделить пять типов переводческой эквивалентности: денотативную эквивалентность (Denotative Äquivalenz), коннотативную эквивалентность (Konnotative Äquivalenz), текстуально-нормативную эквивалентность (Textnormative Äquivalenz), прагматическую эквивалентность (Pragmatische Äquivalenz) и формально-эстетическую эквивалентность (Formal-ästhetische Äquivalenz; Koller 2004 : 216). Как и у отечественных исследователей, у В. Коллера прагматическая эквивалентность определяется через отношение к получателю текста (Там же). Однако в отличие от А.Д. Швейцера и В.Н. Комиссарова, В. Коллер не ставит задачу выстроить иерархию типов эквивалентности, указывая на то, что эту иерархию выстраивает сам переводчик (Koller 2004 : 266) в зависимости от текста и поставленной перед ним задачи. Английский исследователь М. Бейкер (Baker 1992), соотносит отдельные уровни эквивалентности с уровнями языка. Как отмечает В. Леонарди, предложенная М. Бейкер модель совмещает лингвистический и коммуникативный подход к рассмотрению эквивалентности (Leonardi 2000): на каждом формально выделяемом уровне языка признается доминирующее положение

коммуникативной функции и цели перевода. Эквивалентность рассматривается на лексическом уровне, уровне словосочетания и высказывания, грамматическом уровне, уровне текста и прагматическом уровне (Baker 1992 : 217). Также как и В. Коллер, М. Бейкер не описывает прагматическую эквивалентность как минимальное требование, предъявляемое к переводу. В ее модели прагматическая эквивалентность – это лишь один из факторов, которые переводчик должен учитывать при переводе.

Таким образом, выделение различных видов эквивалентности, по-видимому, связано с очевидностью того, что невозможно реализовать одновременно все типы эквивалентности в тексте. Однако принципиальное различие заключается в том, что некоторые исследователи предпринимают попытки установить универсальную иерархию типов эквивалентности, определить понятие инварианта перевода, тогда как другие считают, что иерархия типов эквивалентности относительна и варьируется от текста к тексту.

1.1.2. Прагматическая эквивалентность и родственные понятия

В современной литературе, помимо термина прагматическая эквивалентность, существуют и другие, очень близкие, если не синонимичные, термины, такие как перлокутивная эквивалентность (perlocutionary equivalence), динамическая эквивалентность, функциональная эквивалентность (functional equivalence), коммуникативная эквивалентность и пр. Все эти термины используются для описания небуквального перевода, производимого «не по слагаемым» (Нойберт 1978 : 195), в некоторых случаях по семантическим характеристикам очень далекого от оригинала, но в котором, тем не менее, сохраняется некий инвариант, позволяющий отличать перевод от пересказа.

Термин «динамическая эквивалентность» был предложен раньше других: Ю. Найда ввел данное понятие в противопоставление формальной

эквивалентности в 1965 г. Он выразил мнение, что при переводе стоит ориентироваться в первую очередь не на формальные особенности оригинала, а на адресата ТП, делая перевод максимально понятным для него, в том числе, избавляясь от громоздких конструкций, не соответствующих узусу той языковой общности, для которой предназначается перевод. Исследователь постулирует, что лучший перевод не должен звучать как перевод (Nida and Taber 1982 : 1). Таким образом, динамическая эквивалентность характеризуется установкой на адресата и имеет место, если реакция адресатов ТП до известной степени схожа с реакцией адресатов ИТ (Nida and Taber 1982 : 24). В более поздних работах Ю. Найда предпочитает термин «функциональная эквивалентность». Последний не описывает ничего принципиально нового, но призван подчеркнуть, что главной отправной точкой является не адресат ТП, а сам ИТ. Термин выводит на передний план коммуникативную функцию перевода (Nida and de Waard 1986 : VII), реакция же адресата – это лишь вспомогательное понятие, на которое исследователь опирается для объяснения коммуникативной функции ИТ. Иными словами, постулируя приоритет функции и эффекта текста над его формой, Ю. Найда все же не призывает забыть об особенностях ИТ, таких как, например, стиль и культурная дистанция (Nida and Taber 1982 : 14). Подробное объяснение этого момента можно найти в работе Л.К. Латышева. Исследователь подчеркивает, что в рамках концепции динамической / функциональной эквивалентности текст рассматривается как один из коммуникативных факторов, вызывающих реакцию получателя (Латышев 1981 : 25). Термин «функциональная эквивалентность» используется и другими учеными, среди которых мы отметим Г. Егера (Егер 1978) и Дж. Хаус (House 2001; House 2015).

В 1975 г. Г. Егером было предложено понятие «коммуникативной эквивалентности» (Егер 1978 : 137). Ученый объясняет этот термин через понятие коммуникативной значимости. Коммуникативная эквивалентность двух текстов присутствует тогда, когда совпадает их коммуникативная

значимость. Коммуникативная значимость – свойство, ответственное за появление коммуникативного эффекта текста. Коммуникативный эффект понимается как «передача адресату определенного мыслительного содержания» (Швейцер 1988 : 79) и передается через функции языковых знаков. Функции же связаны с тремя типами отношений: синтаксическими, семантическими и прагматическими. Прагматические отношения делятся на внутрилингвистические (принадлежность текста к определенному функциональному стилю) и экстралингвистические (связанные, например, с интенцией автора). Исследователь считает возможным эксплицировать коммуникативную эквивалентность через понятие функциональной эквивалентности. Аналогично тому, как при коммуникативной эквивалентности сохраняется коммуникативная значимость текста, при функциональной эквивалентности сохраняется его функциональная значимость. Понятие функциональной эквивалентности уже, чем понятие коммуникативной эквивалентности, т.к. оно не охватывает экстралингвистических прагматических отношений, т.е. интерпретации внутрилингвистических отношений. Однако исследователь считает данные понятия вполне взаимозаменяемыми, т.к. придает очень малое значение экстралингвистическим прагматическим отношениям в переводе (Егер 1978 : 137-156).

В целом концепция Г. Егера, как представляется, больше семантическая, чем прагматическая, поскольку основное внимание в ней уделяется информативному компоненту перевода и функциям языковых знаков. Функциональная эквивалентность сводится у него к соответствию на уровне функционального стиля. Более широкое значение получает термин «функциональная эквивалентность» в интерпретации Дж. Хаус, которая использует его синонимично термину «прагматическая эквивалентность». В понимании Дж. Хаус, функциональная эквивалентность имеет две составляющих: понятийную (*ideational equivalence*) и межличностную (*interpersonal equivalence*). Функция текста также делится на понятийную и

межличностную (Хаус 1998 : 64). Функциональная эквивалентность заключается в сохранении функции текста. Но под функцией текста Дж. Хаус, в отличие от Г. Егера, понимает не функциональный стиль, а его применимость к конкретной ситуации, его использование в определенном контексте (House 2015 : 26).

В более поздней модели, предложенной Дж. Хаус, для описания ситуации используются понятия жанра и регистра. Эти понятия находятся в следующем отношении: жанр – это план содержания регистра, а регистр – это план содержания языка, т.е. язык – это внешнее выражение регистра. Регистр имеет три составляющих: поле (Field) – все, связанное с темой, предметом сообщения и т.п., тон сообщения (Tenor) – все, что связано со свойствами адресата или адресанта – и модус (mode) – все, что относится к каналу передачи информации. Для описания того, как эти параметры отражаются при переводе, Дж. Хаус вводит дополнительное различие между скрытым (covert) и явным (overt) переводом. В связи с этим она проводит различие между функциональной эквивалентностью первого и второго уровня. Функциональная эквивалентность первого уровня – собственно функциональная эквивалентность – имеет место только при скрытом переводе. В этом случае первостепенную роль играет частная функция текста (individual textual function), которая воссоздается в ТП с учетом жанра текста. На параметры же регистра и языка накладывается культурный фильтр. При явном переводе Дж. Хаус говорит о функциональной эквивалентности второго уровня – соответствие на трех уровнях (язык, регистр, жанр), позволяющее говорящим на языке перевода как бы издалека оценить функцию оригинального текста (House 2001; House 2015). Таким образом, функциональная эквивалентность в понимании Дж. Хаус – это широкое понятие, описывающее перевод, выполненный с учетом культурных особенностей принимающей аудитории при необязательном сохранении структурной близости к оригиналу.

В качестве абсолютного синонима к термину «функциональная эквивалентность» Дж. Хаус использует термин «прагматическая эквивалентность» (House 2001 : 247). Напомним, что последний используется также в работах В. Коллера, М. Бейкер, А.Д. Швейцера (Koller 2004, Baker 1992, Швейцер 1988). Правда, в работах М. Бейкер и В. Коллера идея инварианта не так четко выражена, как в работах А.Д. Швейцера. В отечественном переводоведении термин «прагматическая эквивалентность» часто используется синонимично термину «коммуникативная эквивалентность» (Нелюбин 2003 : 30).

Еще один термин из синонимического ряда прагматической эквивалентности был предложен Л. Хики (Hickey 1998b), который ввел понятие «перлокутивной эквивалентности» – эквивалентности на уровне перлокутивного эффекта. Под перлокутивным эффектом исследователь понимает любую реакцию адресата на высказывание (от простого понимания высказывания до эмоциональной реакции или любого другого действия), порожденную либо свойствами самого высказывания, либо их взаимодействием с контекстом или свойствами адресата. Исследователь постулирует, что ТП способен породить ряд реакций у говорящих на языке перевода, аналогичных возможным реакциям, производимым ИТ на говорящих на языке оригинала. Сам Л. Хики признает близость концепций перлокутивной эквивалентности и динамической / функциональной эквивалентности Ю. Найды. Но исследователь подчеркивает, что в его концепции требование аналогичности эффекта ИТ и ТП более жесткое, и именно это призван подчеркнуть предложенный им термин: ТП обязан дать возможность порождения ряда реакций, аналогичных тем, что возникают у адресатов текста оригинала. Важным моментом в концепции Л. Хики является то, что перлокутивный потенциал включает в себя определенный набор возможных реакций адресата, который должен быть передан на ЯП в сопоставимом объеме. Таким образом, в концепции Л. Хики понятие прагматического эффекта более определенное, чем в других теориях

прагматической эквивалентности. Хотя следует заметить, что именно понятие перлокутивного эффекта неоднократно критиковалось исследователями в силу того, что его невозможно измерить (Morini 2008 : 37).

Как видно из сказанного выше, перлокутивная эквивалентность подобно прагматической эквивалентности определяется через коммуникативный эффект текста. Разница между этими понятиями заключается в том, что прагматическая эквивалентность охватывает не только перлокутивную сторону речевого акта, но и иллокуцию, т.е. намерение автора высказывания. Таким образом, понятие перлокутивной эквивалентности гипонимично по отношению к прагматической эквивалентности. Однако на практике эти понятия не так просто разграничить. Следует заметить, что круг изучаемых проблем в работах Л. Хики в связи с понятием перлокутивной эквивалентности довольно сильно пересекается с вопросами, рассматриваемыми, например, М. Бейкер в связи с прагматической эквивалентностью – оба исследователя уделяют много внимания проблемам контекста высказывания и импликатур.

В синонимичный ряд термина прагматической эквивалентности можно включить также термин «прагматическая адекватность», который используется в работе А. Нойберта для описания ситуации, когда коммуникативный эффект текста ИЯ успешно сохраняется в тексте ПЯ (Нойберт 1978 : 193). Прагматически адекватный перевод сохраняет направленную прагматику исходного текста, реконструирует ее средствами ПЯ. С целью достижения необходимого эффекта переводчик при необходимости обязан вносить в текст различные преобразования. Таким образом, переводчик осуществляет не перевод отдельных элементов текста, а его прагматическую реконструкцию. Под прагматической реконструкцией понимается создание переводчиком нового, «точного по образу» текста, когда он абстрагируется от порождения «точного по слагаемым» перевода (Нойберт 1978 : 195, 196). Прагматическая реконструкция происходит с

учетом «лексических и стилистических селективных правил использования языка в определенных целях» (Нойберт 1978 : 196). Таким образом, в центре внимания А. Нойберта оказывается коммуникативный эффект (Швейцер 1988 : 193). Как видно, определение, которое А. Нойберт дает прагматической адекватности, сильно пересекается с понятием прагматической эквивалентности. Как представляется, синонимичное употребление данных терминов непосредственным образом связано с понятиями эквивалентности и адекватности, которые в целом можно отнести к родственным. В последнее время активно предпринимались попытки разграничения терминов эквивалентности и адекватности. Этот вопрос обсуждался в работах А.Д. Швейцера, Л.Г. Романовой, а также затрагивался в работе Е.А. Ковальчук (Швейцер 1988 : 92; Романова 2011 : 12; Ковальчук 2012 : 512).

Согласно А.Д. Швейцеру, эквивалентность – это нормативное понятие, а адекватность – понятие дескриптивное, опирающееся на реальную практику перевода. Эквивалентность оценивает ТП как конечный результат, а адекватность характеризует перевод как процесс (Швейцер 1988 : 95). Эквивалентность – это максимальное требование, предъявляемое к переводу, адекватность же – это оптимальное решение конкретной переводческой задачи (Швейцер 1988 : 96, 97). Очевидно, что прагматическая адекватность в понимании А. Нойберта не соответствует интерпретации адекватности А.Д. Швейцером.

Несколько иначе разграничивает данные термины Л.Г. Романова: адекватность – оценочное понятие, характеризующее полноценность воспроизведения различных параметров ИТ в ТП с учетом норм ЯП, в то время как эквивалентность – оценочное понятие, характеризующее тождественность различных параметров ИТ и ТП в зависимости от целей, с которыми осуществляется переводческая деятельность (Романова 2011 : 12). Таким образом, главное отличие адекватности от эквивалентности в понимании Л.Г. Романовой – это соответствие узусу ЯП. Но, как

обсуждалось выше, последний учитывается также в понятии динамической эквивалентности Ю. Найды. Стоит также отметить, что в отличие от А.Д. Швейцера, Л.Г. Романова понимает адекватность как критерий оценки уже готового перевода.

Ближе к интерпретации адекватности А.Д. Швейцера находится понимание данного термина Е.А. Ковальчук, которая пишет об эквивалентности как норме, определяющей «соответствие смыслообразующих параметров ТП смыслообразующим параметрам ИТ», а об адекватности как о норме, определяющей «соответствие ТП лингвокультурным и коммуникативным условиям ПЯ» (Ковальчук 2012 : 513). Для достижения адекватности должны учитываться языковые и узуальные нормы, получатели ТП, а также вопрос о степени доступности текста (Там же). Таким образом, в центре понятия эквивалентности находится информативная составляющая, а в центре понятия адекватности – коммуникативная ситуация. Определения Е.А. Ковальчук и Л.Г. Романовой пересекаются в том, что соответствие ТП узуальным нормам принимающего языка относится в понятийный потенциал термина адекватности.

Однако в целом надо отметить некоторую противоречивость рассмотренных определений: понятие прагматической адекватности А. Нойберта стоит особняком, не подпадая ни под одно определение. Описание А.Д. Швейцером адекватности как дескриптивного понятия противоречит определению А.Г. Романовой, которая рассматривает оба понятия как оценочные, а также определению Е.А. Ковальчук, которая описывает адекватность как норму. Определение А.Г. Романовой нельзя считать исчерпывающим, поскольку главное отличие – соответствие узусу ЯП – входит в понятийный потенциал прагматической эквивалентности и синонимичных терминов.

Итак, термины прагматической адекватности в понимании А. Нойберта и прагматической эквивалентности можно признать полностью взаимозаменяемыми. Что же касается более общих понятий переводческой

эквивалентности и адекватности, в данной работе предлагается следующее разграничение: термин адекватность выдвигает на передний план переводческую задачу, конкретную цель, с которой осуществляется перевод. Перевод признается адекватным, если он выполняет свою функцию. Например, адекватным может быть подстрочник, если получателю текста на ЯП необходимо ознакомиться с формой текста оригинала. В то же время подстрочник может оказаться прагматически неэквивалентным оригиналу, поскольку он может не передавать должным образом интенцию автора.

1.2. Определение конфронтационного диалога: подходы к его интерпретации в переводческом аспекте

Синонимический ряд слова «конфронтация» довольно широк. В него входят такие понятия как «конфликт», «спор», «противоречие», «конфронтация», «противодействие». На необходимость определения и разграничения данных терминов обращает внимание А.А. Романов (Романов 2006 : 6). В научной литературе чаще всего предметом исследования становятся два из перечисленных выше понятий: конфронтация и конфликт. Понятие КД тесно связано с понятием конфликта или конфликтного общения. Таким образом, определение понятия конфронтации затрагивает также определение родственных понятий, прежде всего, понятия конфликта.

И.И. Гулакова определяет понятие коммуникативного конфликта как столкновение двух сторон по поводу несоответствия целей, интересов и т.д. (Гулакова 2004 : 4). Существенным моментом, который отмечает исследователь, является то, что одна из сторон действует в ущерб другой таким образом, что другая сторона осознает это и предпринимает ответные действия (Там же). На сознательность противодействия обращает внимание также И.В. Певнева, которая выделяет в качестве основного признака коммуникативного конфликта направленное (и чаще всего осознанное) противодействие коммуникантов (Певнева 2008а : 10).

Коммуникативный конфликт может иметь вербальную и невербальную форму (Гулакова 2004 : 5). Такое определение совпадает с бытовым понятием конфронтации, которая определяется в толковых словарях как «резкое противостояние, противоборство, столкновение взглядов, принципов, социальных систем и т.п.» (ТСЕ). Определяя понятие конфликта, Л.Л. Федорова выделяет четыре фазы его развития: 1) открытый вызов или скрытая провокация со стороны активного участника; 2) выяснение позиций, противостояние; 3) взрыв, столкновение; 4) разрешение конфликта (Федорова 2011 : 110). Таким образом, конфликт описывается как динамичное явление, которому свойственно развитие. Этот момент отмечает также В.С. Третьякова (Третьякова 2003 : 7). В отличие от конфликта конфронтация не обязательно должна заканчиваться взрывом. В этом отношении можно согласиться с А.А. Романовым, который отмечает, что отдельные конфронтационные проявления (такие как борьба за инициативу, за лидерство в реализации своих целей) еще не являются признаками конфликта (Романов 2006 : 7). Опираясь на схему Л.Л. Федоровой, можно рассматривать конфронтацию как первые две фазы конфликта, т.е. столкновение, которое не обязательно должно заканчиваться взрывом.

Попытку разграничить понятия конфронтации и конфликта предпринимает Н.В. Мельничук. Исследователь отмечает, что понятие конфронтации шире понятия конфликта: понятие конфликтной ситуации гипонимично по отношению к понятию конфронтационной ситуации (Мельничук 2013 : 39). Кроме того, исследователь обращает внимание на то, что конфронтация может быть односторонней, в то время как конфликт предполагает сознательное целенаправленное участие двух сторон (Там же). На этот момент обращает внимание также В.В. Королёва (Королёва 2015). Конфронтацию можно определить через понятие интенции: исследователи Н.В. Виноградова и Н.В. Гаврилова указывают на то, что КД возникает при преобладании «отношенческих» интенций над «проблемными» (Виноградова, Гаврилова 2012 : 92). К «отношенческим» интенциям

относится, например, намерение высказать неодобрение, жесткие требования, а также выражение агрессии, противостояния и т.д. (Виноградова, Гаврилова 2012 : 95).

В данной работе принимается точка зрения, согласно которой конфронтация рассматривается как противодействие. Противодействие понимается в широком смысле. В данное понятие мы включаем также случаи «шуточного противодействия» – дружеской игры, имеющей форму конфронтации, поскольку в данном случае коммуниканты действуют по определенной модели, типичной для конфронтационного поведения. Такое поведение обнаруживает как бы два уровня интенций: глубинную интенцию пошутить, на которую, как правило, дополнительно указывается в тексте, и поверхностную конфронтационную интенцию, которая выражается в использовании типичных конфронтационных стратегий и тактик и является реализацией глубинной интенции.

Итак, на микроуровне КД определяется как тематически ограниченное диалоговое единство или микродиалог, ядром которого является доминирующая конфронтационная реплика одного из коммуникантов, выражающая вербальное противодействие другому коммуниканту.

1.2.1. Единицы анализа конфронтационного диалога

Как один из видов диалога, КД характеризуется определенными чертами, свойственными только данному типу дискурса. Единицы анализа диалога разрабатывались многими отечественными и зарубежными лингвистами. К самой мелкой из них следует отнести речевой акт (РА). В отечественной школе синонимично к термину РА используется термин коммуникативной единицы (КЕ), под которым Л.П. Чахоян понимает «направленные речевые произведения» (Чахоян 1979 : 30). В определении Л.Л. Нелюбина КЕ – это «отрезок речи, способный самостоятельно передавать сообщение» (Нелюбин 2003 : 80). Однако термин РА получил гораздо более широкое распространение. Тем не менее многие современные

исследователи отмечают, что речевые акты не учитывают в достаточной степени интерактивный характер диалога (Поспелова 2001 : 33; Гуревич 2007 : 103). Для решения проблемы предлагались разные понятия, например, коммуникативный акт, в основе которого, по определению Л.С. Гуревича, лежит не иллокуция, а «интерлокуция», т.е. «иллокуция с включенным прогнозом перлокутивного эффекта» (Гуревич 2007 : 104). Несколько иначе решает проблему А.Г. Поспелова, которая проводит различие между иллокутивными и интерактивными РА. Эти понятия не исключают друг друга, а дополняют: каждый РА может быть охарактеризован с одной стороны как иллокутивный акт (в традиционном понимании), с другой стороны как интерактивный акт. Исследователь предлагает семь типов интерактивных актов: информирование, запрос, побуждение, комментарий, восприятие, ответ и реакция на побуждение. Каждый из семи интерактивных актов может реализоваться в прямых и косвенных иллокутивных актах (Поспелова 2001 : 33-37; Поспелова 1992; Поспелова 1998). Проблема разграничения интерактивных и иллокутивных актов касается в основном нетрадиционно выделяемых РА, таких как несогласие. Так, Т.Н. Дёмушкина рассматривает данный РА как один из иллокутивных актов наравне с традиционно выделяемыми РА (Дёмушкина 2015 : 222). Однако проблема возникает при поиске прямой формы выражения данного РА, поскольку очевидно, что несогласие с перформативом *I disagree* по сути своей представляет ассертив. Если же вслед за А.Г. Поспеловой рассматривать несогласие как интерактивный акт, проблемы не возникает. Такой подход представляется целесообразным, поскольку он не отменяет традиционного понятия РА и, с другой стороны, позволяет более полно описать интерактивную сторону диалога. Таким образом, интерактивный акт можно считать минимальной интерактивной единицей диалога. Как отмечает А.Г. Поспелова, РА может выходить за рамки одного предложения. Исследователь предлагает различать между макро-РА и микро-РА (Поспелова 2001 : 7), которые противопоставлены по объему. Микро-РА

являются реализациями общей интенции макро-РА (Там же). Среди микро-РА, входящих в состав макро-РА, выделяется доминирующий микро-РА, который определяет общую интенцию всего макро-РА (Поспелова 2001 : 17).

Некоторые исследователи используют понятие прагматического акта (Каразия 2004 : 8; Меу 2009 : 747; Меу 2013 : 26), который Н.А. Каразия определяет как «динамическое речевое образование, состоящее из одного или нескольких речевых актов, взятое в контексте ситуации и реализующее целеустановки участников общения» (Каразия 2004 : 8). Согласно Я. Меу, который впервые предложил данное понятие, главный фокус последнего находится не просто на определенном речевом произведении, а на всей ситуации, в которой порождается тот или иной РА (Меу 2009 : 751). Как подчеркивает исследователь, отправной точкой является не отдельный РА, а ситуация, которая определяет и ограничивает речевое действие (Меу 2013 : 26). Таким образом, прагматический акт – это не единица, а скорее способ анализа.

На вербальном уровне внутри диалога принято выделять реплики. По объему реплика может совпадать с макро-РА, который, как и реплика, осуществляется одним коммуникантом (Поспелова 2001 : 18). Однако макро-РА может выходить за рамки одной реплики, «если второй коммуникант [...] достаточно пассивен и не заставляет говорящего сменить избранную им тактику» (Там же). Традиционно различаются иницирующие и реагирующие реплики (Джобава 2008 : 9), которые в совокупности образуют диалогическое единство (ДЕ), речевое событие или микродиалог – все эти термины синонимичны друг другу (Поспелова 2001 : 14, 15). Считается, что ДЕ состоит из иницирующей и реагирующей реплики, однако, И.М. Джобава обращает внимание на существование «непрямых реагирующих реплик» (НРР), представляющих собой «ответные реакции, грамматическое оформление и семантическое наполнение [которых] не обусловлено стимулирующей репликой» (Джобава 2008 : 12) и которые, таким образом, не образуют диалогических единств (Там же). Учитывая этот факт, в данной

работе термину «диалогическое единство» предпочитается термин «микродиалог», поскольку последний не указывает на обязательную обусловленность одной реплики другой. К непрямым реагирующим репликам И.М. Джобава относит многие конфронтационные реплики, например, конфликтно-агрессивные реплики (Джобава 2008 : 18).

Наконец, самой крупной единицей анализа КД можно считать макродиалог или речевое событие (Каразия 2004 : 4; Пospelова 2001 : 15), которое представляет собой совокупность ДЕ, образующих тематически замкнутый диалог (Пospelова 2001 : 14).

Таким образом, КД можно охарактеризовать на нескольких уровнях: на уровне РА, на уровне реплики, на уровне взаимодействия реплик, т.е. на уровне микродиалога, а также на уровне макродиалога.

1.2.2. Конфронтационный диалог как нарушение Принципа Кооперации

Многие исследователи отмечают, что в КД действуют принципы, отличные от тех, которые актуальны для позитивно ориентированной интеракции (Каразия 2004 : 9). Некоторые исследователи относят КД к аномальным коммуникативным ситуациям наравне с ситуациями коммуникативной неудачи и коммуникативного дискомфорта (Мартынова 2000 : 5, Мартынова 2016 : 13). Другие, например И.В. Певнева, отмечают, что в качестве основных конфликтообразующих факторов коммуникации выступает нарушение принципов бесконфликтного общения (Певнева 2008а : 10). К самым известным принципам, действующим в позитивно ориентированной интеракции, можно отнести Принцип Кооперации и Принцип Вежливости (Шилова 1997 : 4,7).

Некоторые исследователи рассматривают КД как нарушение Принципа Кооперации (далее ПК). Такой точки зрения придерживается, например, Н.А. Каразия, которая противопоставляет конфронтацию кооперации (Каразия 2004 : 9). Схожую позицию занимает И.И. Гулакова, которая считает, что при конфронтационной линии поведения имеет место нестандартная

коммуникативная ситуация, в которой наблюдается некооперативное взаимодействие (Гулакова 2004 : 7). Под кооперативным поведением понимает исследователь стандартную коммуникативную ситуацию, в которой соблюдаются все принципы интеракции (Там же).

Однако другие исследователи – например А. Томас, придерживаются иной точки зрения, подчеркивая, что и в конфронтационной интеракции также соблюдается ПК (Thomas 1986 : 24). Исследователь обращает внимание на многозначность понятия кооперации в научной литературе, указывая на существование различных интерпретаций ПК, связанных с более широким и более узким пониманием данного явления (Thomas 1986 : 27). Одна из возможных интерпретаций кооперации получает название «стремление к совместной общественной цели» (Social goal-sharing). Представители этой точки зрения рассматривают кооперацию как стремление участников коммуникации к единой цели, которая выходит за рамки желания передать пропозициональное содержание высказывания (Thomas 1986 : 27-28). Более узкая интерпретация кооперации получает название «стремление к совместной лингвистической цели» (Linguistic goal-sharing). Согласно данной интерпретации, цель, к которой стремятся собеседники, имеет чисто лингвистический характер, т.е. заключается в желании говорящего передать свое намерение и в желании слушающего понять намерение говорящего (Там же). Следует заметить, что при второй интерпретации ПК не предполагается, что пропозиция обязательно должна быть истинной, вежливой и т.п. (Там же). В первом случае нарушение ПК происходит, если у коммуникантов нет единой цели. Во втором случае – если говорящему не удастся правильно передать свою интенцию, т.е. в случае коммуникативной неудачи. Рассмотренные подходы имеют прямое отношение к интерпретации КД. Очевидно, что исследователи, которые рассматривают КД как нарушение ПК, придерживаются первой интерпретации, поскольку вряд ли можно свести КД только к случаям коммуникативной неудачи, которая определяется Е.М. Мартыновой как

«фактор, препятствующих реализации коммуникантами их коммуникативных намерений и/или коммуникативных ожиданий» (Мартынова 2016 : 13). Если придерживаться первой точки зрения, придется признать, что КД является нарушением ПК (если определять КД как противодействие). Но тогда к КД можно также отнести ситуацию, когда один из коммуникантов лжет другому, тогда как последний пытается вывести правду. Как отмечает С.В. Шилова, данная ситуация относится к одному из самых частых нарушений ПК (Шилова 1998 : 79). Однако в данном случае отсутствует вербальное столкновение. Кроме того, А. Томас указывает на примеры КД, в которых не нарушается ни один постулат ПК (Thomas 1986 : 61). Соответственно, нам представляется очевидным, что КД не может быть определен как нарушение ПК.

Следует сделать оговорку, что понятие конфронтации и конфликтности также не имеет однозначной интерпретации в научной литературе. На две возможных трактовки понятия конфликтности указывает А.Ю. Маслова: 1) отсутствие перлокутивного эффекта и 2) столкновение интересов или целей (Маслова 2007 : 105). Однако надо отметить, что большинство ученых придерживается второй интерпретации, которая ближе к бытовому пониманию этого слова и, соответственно, более естественна (Третьякова 2003, Гулакова 2004, Романов 2006, Певнева 2008а, Федорова 2011, Мельничук 2013, Королёва 2015, Мартынова 2016 и др.).

Таким образом, ПК в применении к КД имеет ограниченную объяснительную силу. В данной работе принимается точка зрения, согласно которой КД не рассматривается как нарушение Принципа Кооперации. Конфронтация понимается как вербальное противодействие хотя бы одного из коммуникантов другому.

1.2.3. Конфронтационный диалог как нарушение Принципа Вежливости

Конфронтацию можно попытаться определить через понятие вежливости. Т.В. Ларина выделяет несколько направлений исследований

вежливости, среди которых можно отметить два основных: 1) вежливость как речевые максимы и правила и 2) вежливость как теория о «сохранении лица» (Ларина 2009 : 84). Рассмотрим каждый из этих подходов в отношении к КД.

Теория сохранения лица была разработана П. Браун и С. Левинсоном, которые понимают лицо как универсальное понятие, регулирующее межличностные отношения и интеракцию (Brown and Levinson 2009 : 311). Ученые рассматривают теорию положительного и отрицательного «лица». Под положительным лицом понимается собственная положительная оценка человека, а также его желание получать такую же оценку от окружающих; под отрицательным лицом понимается личное пространство человека, свобода действий, свобода воли. Исследователи считают, что нормальная кооперативная интеракция основана на принципе «сохранения лица» и постулируют, что этот принцип отвечает интересам каждого участника коммуникации. Сохранение лица собеседника становится возможным благодаря соблюдению правил вежливости (Brown and Levinson 2009 : 317). Исходное положение, что необходимость ориентироваться на лицо имеет универсальный характер, было позже поставлено под сомнение, в частности А. Вержбицкой, которая отметила влияние англо-саксонской культуры на формирование данного понятия (Wierzbicka 2003 : vi). Критика А. Вержбицкой представляется обоснованной, особенно в отношении отрицательного лица, ведь последнее базируется на концепте личной сферы – *privacy*, понятия, очень важного именно для англо-саксонской индивидуалистической культуры. Тем не менее, разработки ученых нашли отклик и в среде отечественных исследователей. В частности, Л.Л. Федорова предлагает рассматривать конфликт как отстаивание отрицательного лица (Федорова 2011 : 18).

Для изучения КД представляют интерес разработки П. Браун и С. Левинсона относительно «лицоугрожающих актов» (Face threatening acts – FTA), т.к. последние могут послужить началом конфронтации. Исследователи отдельно рассматривают акты, угрожающие отрицательному

лицу, к которым относятся все действия, тем или иным образом способные оказать моральное давление на адресата (требования, предложения, советы, напоминания, угрозы, обещания, комплименты, высказывание отрицательных эмоций по отношению к адресату), и акты, угрожающие положительному лицу адресата (критика, оскорбление, возражение, противоречие, выражение неуважения, затрагивание неловких тем, прямой отказ, использование неуместных обращений и пр.; Brown and Levinson 1999 : 313-314). Не трудно заметить, что далеко не все из приведенных примеров актов, представляющих угрозу лицу собеседника, оказываются потенциально способными породить вербальную конфронтацию. Например, комплименты или обещания способны оказать моральное давление на адресата, поставить его в роль должника, но механизм их действия основан как раз на том, что они не оставляют места для открытого противодействия. Кроме того, как отмечают многие исследователи, собеседник может проявить недоброжелательность в диалогическом взаимодействии, сохраняя при этом тактичность и вежливость (Thomas 1986 : 63, Романов 2006 : 9). Это кажется особенно актуальным в отношении «вежливой» англо-саксонской культуры.

Таким образом, последовательная интерпретация КД через теорию вежливости не представляется возможной. Однако, очевидно, что КД непосредственно связан с вежливостью, нормы которой относительно и зависят от культуры, как отмечают многие исследователи (Певнева 2008б; Ларина 2009; Шилова 2012 : 131; House 1998; Natim 1998; Wierzbicka 2003; Locher 2015 : 6; Tretyakova 2016 и др.). Конфронтационному диалогу в сопоставительном аспекте посвящен следующий параграф.

1.3. Конфронтационный диалог в сопоставительном аспекте

Как упоминалось выше, нормы вежливости имеют относительный характер. Среди прочего, исследователями отмечалось, что принцип сохранения «лица» не актуален для русской культуры общения (Певнева 2009 : 31); С.В. Шилова указывает на то, что культурные различия

наблюдаются не только в отношении вежливости, но и в отношении других правил речевого общения (Шилова 2012 : 133). То же отмечает и Т.В. Ларина, говоря, в частности, о максимах Грайса (Ларина 2009 : 14). Универсальность Принципа Кооперации ставится под сомнение также М. Бейкер (Baker 1992 : 239). КД, который в целом связан с соблюдением и нарушением правил речевого общения, также подвергался сопоставительным исследованиям. Так, отмечаются различия в отношении отдельных проявлений конфронтации, например, несогласия (Locher and Angouri 2012 : 1551). Большой интерес представляет исследование И.В. Певневой, которая рассматривает русское и американское коммуникативное поведение в конфронтационных ситуациях общения с точки зрения реализации коммуникативных стратегий. В частности, различия были отмечены в отношении вербального выражения несогласия, которое допустимо в русской лингвокультуре и, как правило, неприемлемо в американском коммуникативном поведении (Певнева 2008б : 111). В целом было отмечено, что русской лингвокультуре больше свойственны конфронтационные модели поведения, к которым исследователь относит стремление к речевой доминантности, эмоциональность общения, повышенную оценочность и любовь к спорным обсуждениям (Певнева 2009 : 30). Кроме того, И.В. Певнева экспериментально выделяет определенные модели вербального поведения в конфронтационных ситуациях общения: для представителей русской лингвокультуры свойственно использование междометий, обращение к тактике поучения и назидания (Певнева 2008б : 110). Следует отметить, что все перечисленные выше модели вербального поведения связаны с выражением несогласия, в то время как другие проявления конфронтации еще не изучены. Однако, не вполне ясно, каким образом обозначенные выше лингвокультурные различия, а также те, которые еще не были выявлены в ходе контрастивных прагматических исследований, могут отразиться на достижении прагматической эквивалентности.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

1. Под прагматической эквивалентностью (ПЭ) понимается определенный критерий, описывающий сохранение в переводе прагматической составляющей оригинала, прежде всего, его интенции при обязательном сохранении структуры оригинала. Для достижения ПЭ требуется учитывать четыре аспекта: интенцию, информативную составляющую, способ выражения интенции, а также рецептора.
2. Конфронтационный диалог (КД) определяется как тематически ограниченный микродиалог, ядром которого является доминирующая конфронтационная реплика одного из коммуникантов, выражающая вербальное противодействие (в широком смысле) другому коммуниканту.
3. Под доминирующей конфронтационной репликой понимается реплика внутри микродиалога, в которой один из коммуникантов инициирует открытую вербальную конфронтацию с другим коммуникантом.
4. КД характеризуется обменом репликами, состоящими из речевых актов (РА). В случае, если реплика состоит из нескольких РА, мы говорим о макро-РА, который делится на микро-РА. В составе макро-РА выделяется доминирующий микро-РА.
5. Анализ КД будет производиться с опорой на следующие единицы: иллокутивные и интерактивные акты, образующие в совокупности РА, реплики и микродиалоги.
6. К лингвистическим маркерам КД относится наличие в диалоге лицоугрожающих актов (Face Threatening Acts), т.е. РА, угрожающих положительному или отрицательному лицу собеседника, таких как обвинение, упрек, требование и др.
7. Под положительным лицом понимается собственная положительная оценка человека, а также его желание получать такую же оценку от окружающих; под отрицательным лицом понимается личное пространство человека, свобода действий, свобода воли.

ГЛАВА 2 ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В КОНФРОНТАЦИОННОМ ДИАЛОГЕ

В данной главе проводится сопоставительный анализ текстов оригинала, содержащих КД, и их переводов на английский язык, а также сопоставительный анализ переводов между собой с целью получения представления о закономерностях перевода КД. С целью наиболее полного описания проблем достижения прагматической эквивалентности при переводе текстов, содержащих КД, предпринимается попытка создать классификацию КД и определить прагматические характеристики каждого класса при помощи прагматического анализа.

2.1. Реализация прагматической эквивалентности в зависимости от видов конфронтационных интенций

На основании собранного материала была создана классификация КД по интенции доминирующей конфронтационной реплики, т.е. реплики внутри микродиалога, служащей началом открытой вербальной конфронтации одного из собеседников другому. Было замечено, что началом конфронтации может служить как иницирующая, так и реактивная реплика. Это наблюдение подтверждается и другими исследователями, например, В.В. Королевой (Королёва 2015). Поэтому в зависимости от конкретного вида КД в фокус анализа попадал то один, то другой вид реплики. Классификация по интенции доминирующей конфронтационной реплики представляется целесообразной, поскольку интенция – это то, что в первую очередь учитывается переводчиком при достижении прагматической эквивалентности. Из двух основных составляющих прагматической эквивалентности – интенции и коммуникативного эффекта – первая в большей степени поддается измерению и описанию. Соответственно, выделение различных типов интенций внутри КД позволяет выявить общие закономерности достижения прагматической эквивалентности при переводе

КД, что позволяет показать, насколько интенция ИТ влияет на перевод. Кроме того, существует ограниченное исчисляемое количество конфронтационных интенций. Многие из них уже были описаны лингвистами и психологами (Заворуева 2011; Виноградова 2012; Королёва 2015). Это позволяет при описании прагматической эквивалентности опираться на уже проделанные исследования в области прагматики КД.

В результате прагматического анализа материала удалось выделить 8 типов интенций в КД, которые послужили основанием для выделения 8 групп КД. Эти группы можно в свою очередь условно объединить в два крупных класса: конкурирующие и конфликтующие КД. Перейдем к рассмотрению каждого класса в отдельности с точки зрения реализации в них прагматической эквивалентности.

2.2. Прагматическая эквивалентность в конкурирующих КД

Под конкурирующими КД в работе понимаются такие, в которых происходит столкновение целей, интересов или мнений собеседников. В работе было выделено три вида конкурирующих КД: КД с доминирующим интерактивным актом побуждения, КД с доминирующим интерактивным актом несогласия и КД с доминирующим интерактивным актом запроса.

2.2.1. Прагматическая эквивалентность в конкурирующих КД с доминирующим интерактивным актом побуждения

Конкурирующие КД с доминирующим интерактивным актом побуждения, далее побудительные КД, составили 16% от общего числа проанализированных примеров (в целом было найдено 56 примеров). Побудительные КД характеризуются направленностью на ущемление отрицательного лица собеседника, многие из них связаны с нарушением максимы такта Дж. Лича (Leech 1983 : 119), т.е. в целом можно сказать, что данный тип КД связан с нормами вежливости, которые, как было отмечено

выше, различаются в русском и английском языках. Различия касаются, например, использования прямого, (ничем не смягченного – Шилова 1998 : 122) директива в форме повелительного наклонения (*bare imperative*), который по-разному воспринимается в русском и английском языках (Wierzbicka 2003 : 77). Проведенный анализ показал, что зачастую в ТП используются приемы усиления интенции РА, включающие, например, добавление частиц, наречий и других интенсифицирующих компонентов для передачи большей категоричности директива. Это связано с тем, что конфронтационная интенция может сглаживаться, если переводить конфронтационный побудительный РА без изменений и прагматической адаптации.

- (1) *'Go on,' she said. 'Out you go, James.'*
 [...] *'I'm sorry; what's the matter?'*
'Out.' (ALJ : 14)
 — *Вон отсюда. Убирайся, Джеймс. Немедленно.* [...]
 — *Извини. В чем дело?*
 — *Вон.* (ЭВДж : 14)

В данном примере, не смотря на то что безглагольная конструкция *Вон отсюда*, а также глагол *убирайся*, имеющий помету «разг.» (ТСЕ), уже сами по себе звучат довольно категорично, переводчик счел необходимым добавить дополнительный семантический компонент, выражаемый при помощи наречия *немедленно*. Этот прием помог передать и вывести на передний план иллокутивную силу приказа, в целом сохранив прагматическую эквивалентность оригиналу. Приведем еще один пример подобного случая добавления семантического компонента:

- (2) *A: Give me that! [...] That's mine!*
B: Where did you get that? (HFQO : 72)
A: Сейчас же отдай [...]. Это мое!
B: Где ты это взяла? (ХПЧА : 32)

Здесь добавляется наречие *сейчас же*, благодаря чему повышается категоричность высказывания и достигается прагматическая эквивалентность

при переводе требования, выраженного в оригинале при помощи несмягченного повелительного наклонения.

Как видно из приведенных выше примеров, директивы могут различаться по степени категоричности. Кроме того, директивы отличаются по эмотивному компоненту (различия по шкале агрессивные – неагрессивные). Приведем пример категоричного, но не агрессивного требования:

(3) A: *Angie's got to clean her room first.*

B: *No I don't. (CTG : 43)*

A: *Сначала Энджи уберет свою комнату.*

B: *Не буду. (ЧТГ : 68)*

Требование, выраженное в английском языке семантически при помощи глагольной конструкции *have got*, передается в ТП при помощи будущего времени, подчеркивающего категоричность требования. Такая трансформация связана с тем, что сохранение структуры оригинала изменило бы иллокутивную силу РА: в русском языке модальный глагол долженствования, который можно считать словарным соответствием глагольной конструкции *have got*, используется скорее для выражения иллокуции совета, рекомендации или наставления.

Приведем пример агрессивного, но не категоричного требования:

(4) A: *For God's sake shut up! Close your mouth for five minutes. **And you can turn the light off and come to bed.***

B: *Aren't we going to clear this lot up? (DTH : 21)*

В первой реплике рассматриваемого диалога представлен макро-РА требования, состоящий из трех микро-РА. Главная мысль макро-РА выражена в первом микро-РА: *shut up*. Целью рассматриваемого РА является выражение раздражения, желания заставить замолчать собеседника. Последнее требование, т.е. требование выключить свет и лечь спать, является наименее категоричным, т.к. подчинено главной цели всего макро-РА. Эта некатегоричность выражается в использовании модального глагола

«can». В переводе на русский язык используется директив в форме императива:

*A: Да замолчи ты, бога ради! Хоть на пять минут захлопни свой милый ротик. **Гаси свет и ложись.***

B: Может, все-таки убрать этот хлам? (ДВМ : 24)

Хотя некоторые моменты рассматриваемого перевода вызывают сомнение (например, добавление иронии, отсутствующей в тексте оригинала: *захлопни свой милый ротик*), следует все же отметить, что изменение прагматической формы выражения требования наподобие представленному выше вполне оправдано и наблюдалось неоднократно. Так, аналогичная ситуация представлена в следующем примере:

(5) *A: [...] Now shut up while I read. **You can make me some more tea.***

B: Good God, you've just had a great potful! I only had one cup. (OLBA : 14)

*A: [...] А теперь заткнись, я читаю. **Чаю вот сделай мне еще.***

B: О, господи, ты только что выдул целый чайник! Мне досталась лишь одна чашка. (ООГ 2 : 383)

В переводе Д. Урнова рассматриваемый РА переводится буквально:

*Теперь заткнись, я буду читать. **Можешь подогреть мне чаю** (ООГ 1 : 9).*

Благодаря контексту различие между этими двумя вариантами перевода сглаживается, т.к. внутренняя логика диалога не нарушается ни в одном, ни в другом переводе. Однако в сочетании с РА, направленным на прекращение коммуникации (*заткнись, я читаю*), требование в форме императива, как представляется, звучит более органично.

Конфронтационные интерактивные акты побуждения, лежащие в основе побудительных КД, делятся на два типа: первый тип – тот, что был рассмотрен выше – связан с проявлением конфронтации в иницирующей реплике, содержащей РА директива и выражающей побуждение. Конфронтационная интенция может быть связана со стремлением проявить речевую доминантность или с выражением отрицательных эмоций. Второй тип связан с выбором неправильных стратегий, которые вызывают конфронтационную реакцию у собеседника и не позволяют говорящему

добиться цели. Конфронтация происходит в том случае, когда один коммуникант не признает за другим права давать указания. Если при переводе первого типа используются приемы, усиливающие интенцию РА, при переводе второго типа используются приемы компенсации. Это связано с тем, что стратегии речевого общения разнятся от языка к языку. Например, мать просит дочь подать предмет. При этом мать не соблюдает Принцип Вежливости (Leech 1983 : 119) или, если придерживаться точки зрения А. Вержбицкой, нормы вежливости англо-саксонской культуры (Wierzbicka 2003 : 60), присваивая себе тем самым более высокий статус. Такая просьба вызывает конфронтационную реакцию дочери (возмущение):

(6) A: [...] *Pass me that bottle - it's in the carrier.*

B: *Why should I run round after you? (DTH : 7)*

Рассмотрим перевод отрывка на русский язык:

A: [...] *Поддай мне ту бутылку из саквояжа, девочка!*

B: *С чего это я должна тебе все подавать?! (ДВМ : 10)*

Отметим добавление обращения «девочка», которого нет в оригинале. Вероятно, такое переводческое решение (термин М.В. Плотниковой – см. Плотникова, Томилова 2015) связано с тем, что просьба в форме императива не имеет в русском языке такой категоричности, которую она имеет в английском языке. Безличное обращение матери к дочери позволяет передать некоторое пренебрежение, которое и вызывает возмущение дочери. В целом можно говорить о том, что в данном микродиалоге достигается прагматическая эквивалентность.

Анализ рассмотренных примеров позволил выявить следующие трансформации прагматической формы выражения директива на уровне микро-РА:

1) требование в форме императива => эллиптическая конструкция с частицей «нельзя»:

(7) A: '**Clear out**' [...] 'Clear out' [...] 'That wall's coming down soon. Christ, haven't you ever seen a blitzed house before?'

B: 'I used to live here.' (BRT : 92)

A: **Сюда нельзя.** [...] Уходите [...]. Эта стена скоро обрушится. Да что вы, никогда не видели разбомбленного дома, что ли?

B: Я жил здесь. Это мой дом. (БПН : 56)

2) косвенное требование в форме предложения с предикативом «let us»
=> требование в форме императива:

(8) A: **Let's have that paper, stupid!**

B: *Why don't you drop dead!* (OLBA : 80)

A: **Давай газету, обормот!**

B: *Чтоб ты околел!* (ООГ 1 : 78)

3) утверждение в настоящем времени => сообщение в будущем времени: пример (3).

4) предложение с модальным глаголом «can» => требование в форме повелительного наклонения: примеры (4), (5).

5) просьба в форме директива с *will* => просьба в форме императива:

(9) A: **Will you kindly go away!** [...]

B: *Cliff. Well, I can't find nobody anywhere, and I'm supposed to give him this case!* (OLBA : 82)

A: *Уйди по-добру-по-хорошему.* [...]

B: *Нигде не могу найти никого. А мне велели отдать ему этот кейс.* (ООГ 2 : 448)

Кроме того, в некоторых случаях наблюдалось добавление частиц в качестве компенсации эмотивных элементов, выраженных в ИТ при помощи других языковых средств, например, междометий:

(10) A: **Christ Almighty!** Will you sit down and eat your chocolates [...]

B: *You leave me alone. And leave my mother alone too* (DTH : 29).

A: **Да** сиди ты и жуй свои конфеты [...]

B: *Это вы оставьте меня в покое! И мать мою оставьте в покое! Слышите?! (ДВМ : 34)*

В целом было обнаружено 11 случаев трансформаций на уровне прагматической формы оригинала, 11 случаев добавления, усиливающих или смягчающих категоричность импозитива или передающих эмотивный

компонент ИТ. Чаще всего повелительные КД сохраняли структуру оригинала.

2.2.2. Прагматическая эквивалентность в конкурирующих КД с доминирующим интерактивным актом несогласия

КД с доминирующим интерактивным актом несогласия, далее КД несогласия, представляют самый крупный класс КД – в ходе анализа было выделено 93 примера КД несогласия (25,9 % от количества проанализированных примеров). Интерактивный акт несогласия можно определить как выражение противоположной позиции. Интерактивные акты несогласия можно в целом разделить на отказы, возражения и опровержения.

В ходе анализа было выявлено 67 примеров возражения. Прямой способ выражения возражения в английском языке включает ассертив, содержащий вариации перформативной конструкции «I disagree». В проанализированных примерах при переводе возражений, выраженных перформативной конструкцией, не наблюдалось прагматической адаптации: прямые РА возражения также переводились прямыми РА:

(11) *I don't agree with you (BRT : 110) – Я не согласен с вами. (БПН : 67).*

Косвенные способы выражения возражения включают ассертивы без перформативной конструкции и интеррогативы. Чаще всего возражения выражаются при помощи утверждений, перевод которых не требует прагматической адаптации в ТП. Кроме того, нередко в ИТ возражение реализуется в интеррогативах (риторических вопросах, риторических вопросах-переспросах и т.д.), которые передаются в ТП такими же типами РА. Возражение часто имеет немаркированную языковую форму выражения, т.е. в большинстве случаев отсутствуют перформативные конструкции типа «I disagree», и интенция возражения узнается из контекста. В таких случаях перевод просто повторял структуру оригинала. Очень редко в ТП наблюдалась трансформация на уровне прагматической формы выражения

возражения. Приведем пример перевода речевой ситуации возражения, в котором ассертив при переводе передается при помощи интеррогатива:

(12) A: *You said you weren't keeping it. You-*

B: ***You never suggested.*** (CTG : 89)

A: Ты сказала, что не будешь ребенка воспитывать. Не надо...

B: ***А ты мне хоть раз предложила?*** (ЧТГ : 107)

Здесь трансформация, скорее всего, объясняется тем, что несогласие было интерпретировано переводчиком как упрек. Было обнаружено всего 4 случая, когда перевод ассертива осуществлялся с помощью интеррогатива. В интеррогативной форме выражения зачастую довольно четко выявляется оценочный компонент:

(13) A: *My mum don't like you anyway.*

B: ***I don't want her to like me. She's a slag.*** (CTG : 37)

A: Ты моей маме все равно не нравишься.

B: ***А зачем мне ей нравиться?*** Она шлюха. (ЧТГ : 64)

Возражение может быть выражено имплицитно при помощи таких средств, как ирония, когда несогласие внешне принимает форму согласия:

(14) A: *Eat, drink and be merry –*

B: ***And live to regret it.*** (DTH : 33)

В данном переводе сохраняется интенция несогласия, однако исчезает ирония, и несогласие приобретает форму РА предупреждения, т.е. прагматическая эквивалентность достигается лишь частично.

A: *Ешь, пей и веселись.*

B: ***Потом раскаешься.*** (ДВМ : 38)

Вторая группа, КД отказа, представлена 23 примерами. Рассмотрим пример КД отказа:

(15) A: *I'm coming with you.*

B+C: *You are not.* (RHP : 116)

РА отказа часто переводятся с использованием стереотипов (термин Т.П. Третьяковой – Третьякова 2015 : 201):

— *Я иду с вами,* — заявила она.

— ***Исключено,*** — в один голос заявили оба. (РГП I : 177)

В семи из общего числа 29 проанализированных переводов использовались речевые стереотипы, такие как

(16) *Don't be ridiculous, I...* (ALJ : 73) – **Не ставь меня в неловкое по...** (ЭВДж : 101)

в ситуации вручения денег;

(17) *I don't want it* (HFQO : 316) – **Не надо мне ничего** (ХПЧА : 156)

в ситуации отказа от подарка,

(18) *I told you before* (HFQO : 38) – **По-моему, я вполне ясно дала понять, что...** (ХПЧА : 16)

как реакция на просьбу / уговоры и т.д.

Такое относительно частое использование стереотипов, скорее всего, объясняется тем, что ситуации отказа чаще всего имеют стандартный характер. Определенная живость таких диалогов заставляет переводчиков искать стандартные формы выражения – стереотипы. С этим также связана склонность к небуквальному переводу английских речевых стереотипов. Кроме того, именно в переводах отказов наблюдается тенденция к частому использованию приема добавления, самым ярким примером которого служит следующий:

(19) *A: You had it to yourself all last night, give me a bit more time.*

B: You're only holding the Quidditch cup, what's interesting about that? I want to see my parents. (RHP : 155)

A: Ты вчера всю ночь в него смотрел, - горячо возразил Рон. - Подожди немного, я быстро...

B: Ну на что тебе смотреть — ты ведь всего лишь держишь в руках Кубок школы по квиддичу, что тут интересного? — возмутился Гарри. — А я хочу увидеть своих родителей. (РГП 1 : 241)

В переводе добавлен риторический вопрос, который исследователи относят к наиболее частотной косвенной форме выражения несогласия (Дёмушкина 2015 : 223). Таким образом, в переводе отказ получил более естественную для русского языка форму выражения. Встречались также добавления, усиливающие категоричность отказа:

(20) *But I won't give them to you. (HFQO : 175) – Но я **никогда** их тебе не отдам (ХПЧА : 87),*

(21) *I'm not interested. (HFQO : 38) – Мне все это **совершенно** не нужно (ХПЧА : 15).*

РА отказа различаются по степени категоричности, а также по эмотивному компоненту (грубый – негрубый отказ). В совокупности эти два показателя можно обозначить как тон отказа. Иногда стремление сохранить тон оригинала заставляет переводчика отказаться от семантически близкого перевода для достижения прагматической эквивалентности. Рассмотрим следующий пример микро-КД несогласия, в котором интерактивный акт отказа представлен во второй реплике. Данному КД предшествует ситуация, в которой коммуникант А уже два раза предложил коммуниканту В пойти в бар выпить, но не получил определенного ответа. В третий раз предложение звучит в условиях полилога после вопроса третьего коммуниканта о планах на ближайшее будущее. В качестве ответа на это предложение следует непрякая реагирующая реплика (в терминах И.М. Джобавы – Джобава 2008) коммуниканта В:

(22) *A: Well, I thought we might go and have a drink [...]*

*B: **Oh, do be quiet**, James; anybody'd think you'd die if you went an hour without one. (ALJ : 50)*

В двух проанализированных переводах наблюдается значительное отклонение от семантики оригинала:

(a) ***Не надо так суетиться**, Джеймс... (ЭВДж : 70);*

(б) ***Ах, будет вам**, Джеймс! (ЭСДж : 318).*

Оба перевода передают интенцию отказа. Надо заметить, что буквальный перевод типа «Помолчи, Джеймс» или «Замолчи», звучал бы гораздо более грубо.

Рассмотрим пример перевода, в котором была изменена категоричность отказа:

(23) *I've got her address, but I don't see why I should give it to you, of all people (ALJ : 93).*

В переводе отказ получил более сжатую и одновременно более категоричную форму выражения за счет опущения когнитивного глагола:

(a) *У меня есть адрес Маргарет, но вы-то его и не получите* (ЭВДж : 126).

Второй перевод сохранил когнитивный глагол, который выполняет функцию смягчения категоричности. В этом отношении его можно считать прагматически эквивалентным:

(б) *У меня есть ее адрес, но я не считаю нужным сообщать его вам* (ЭСДж : 401).

С другой стороны, усиление категоричности отказа, имевшее место в первом из проанализированных переводов, можно рассматривать как компенсацию различий в нормах вежливости русской и английской лингво-культуры.

Рассмотрим еще несколько примеров отказов, в которых наблюдалось значительное отклонение от семантики оригинала. В следующем диалоге коммуникант В отказывается принять извинение коммуниканта А, выражая тем самым свою обиду.

(24) *A: Darling, I'm sorry.*

A: Прости, дорогая.

*B: **Get out!*** (OLBA : 28)

*B: **Отвяжись.*** (ООГ 1 : 91)

Несмотря на то что перевод реплики коммуниканта В не отражает семантики оригинала, он передает интенцию говорящего завершить коммуникацию, «порвать отношения». Таким образом, перевод можно считать прагматически эквивалентным. Интерес представляет также продолжение выше приведенного фрагмента КД:

(25) *A: I'm sorry, believe me. You think I did it on pur—*

*B: [...] **Clear out of my sight!*** (OLBA : 28)

Коммуникант А продолжает стратегию примирения, коммуникант В придерживается стратегии прекращения коммуникации. Реплика коммуниканта В представляет собой директив в тексте оригинала, но переводится констативом в двух проанализированных переводах:

(a) *A: Пожалуйста, прости меня. Думаешь, я нарочно?*

*B: [...] **Видеть тебя не могу.*** (ООГ 1 : 91)

(б) *A: Ну, прости. Честное слово, не хотел...*

B: [...] Видеть тебя не могу! (ООГ 2 : 457)

Как представляется, это можно объяснить различной функцией директивов в форме повелительного наклонения в русском и английском языках, которая будет подробнее обсуждаться в параграфе 2.3.1. Чтобы сохранить категоричность директива-требования в повелительном наклонении, потребовалось преобразовать прагматическую форму РА.

Таким образом, перевод отказов часто производится при значительном отклонении от семантики или структуры оригинала.

Третья группа, опровержения, представлена 22 примерами. Опровержение – это утверждение противоположного тому, что говорит собеседник, поэтому опровержение можно определить через категорию отрицания. РА опровержения часто имеют очень простую структуру. Рассмотрим несколько примеров опровержения:

- (26) *A: ...She's a slag. A: ...Она шлюха.*
B: She is not. (CTG : 37) B: Нет. (ЧТГ : 64)

Опровергаться может как само высказывание, так и пресуппозиция, как в следующем примере:

- (27) *A: I did wonder why you wanted to see me.*
B: I didn't want to see you. (CTG : 77)
A: Я действительно удивилась, что ты хочешь меня видеть.
B: Я не хочу. (ЧТГ : 96)

Опровержение может передаваться устойчивыми выражениями как в следующем примере:

- (28) *A: Take no notice. The house is half mine.*
*B: **Like hell it is.** I could throw you out tomorrow (DTH : 68).*

В переводе опровержение передается также при помощи фразеологизма, благодаря чему сохраняется эмотивный компонент и достигается прагматическая эквивалентность:

- A: Не обращай на него внимания. Дом наполовину мой.*
*B: **Черта с два, твой.** Я тебя могу выбросить хоть завтра. (ДВМ : 70)*

Особую группу опровержений составляют микро-КД выражения скепсиса. Поскольку в основе КД скепсиса лежит слитный РА (Поспелова 2001 : 8), включающий интенцию опровержения и обязательный эмотивный компонент недоверия, в данной работе эта группа была выделена в отдельный подкласс, который рассматривается ниже.

Найдено 14 КД с доминирующим РА выражения скепсиса, далее КД скепсиса (4% от общего числа проанализированных примеров). В отличие от опровержений, которые часто имеют очень простую структуру и не требуют прагматической адаптации, реплики, в которых выражается скепсис, имеют более сложную структуру, в некоторых случаях требующую прагматической адаптации. Чаще всего производятся незначительные добавления усилительных частиц, таких как *уж*, *просто*, *ну*. Иногда при переводе требуются более значительные преобразования прагматической формы выражения опровержения-скепсиса. Рассмотрим пример подобного преобразования:

(29) *A: ...You just heard an old cat, / you just heard some old cat.*

B: You don't know what I heard. Or what I saw. You don't know nothing because you're a baby. (CTG : 36)

Опровержение-скепсис выражается в ИТ при помощи макро-РА, состоящего из двух микро-РА ассертивов, последний из которых обладает функцией усиления степени категоричности первого утверждения. В ТП сопоставимая степень категоричности опровержения-скепсиса в форме утверждения достигается при помощи использования макро-РА, состоящего из микро-РА риторического вопроса и микро-РА утверждения:

A: ...Ты просто слышала какого-то старого кота, / ты просто слышала какого-то старого кота.

B: Откуда ты знаешь, что я слышала? И что я видела? Ничего ты не знаешь, ты еще маленькая. (ЧТГ : 62)

Нередко в КД скепсиса используется ирония, которая чаще всего выражается через соотнесенность с конкретной коммуникативной ситуацией и контекстом. Так, в следующем примере коммуникант В выражает

недоверие в форме ироничного утверждения, в котором он намекает на материальное состояние невесты коммуниканта А, когда последний сообщает ему о своей любви к ней.

(30) A: *I love Susan.*

B: *That's very sensible of you.* (BRT : 211)

Поскольку читателю перевода романа, в котором встречается этот отрывок, также доступен выше приведенный контекст, диалог переводится буквально.

A: *Я люблю Сьюзен.*

B: *Весьма разумно с твоей стороны.* (БПН : 129)

В другом примере для подчеркивания иронии используется более экспрессивное наречие, чем в оригинале:

(31) A: *I don't mind seeing you.*

B: *Great, I feel **really** welcome.* (CTG : 77)

A: *Я не против встречи.*

B: *Отлично, теперь я вижу, что мне **до смерти** рады.* (ЧТГ : 97)

Такая интенсификация ироничного компонента связана с культурными различиями в использовании тактик при выражении иронии. В русском языке выражение иронии требует большей маркированности при помощи таких языковых средств, как гипербола.

Таким образом, чаще всего прагматическая адаптация при переводе КД скепсиса связана с добавлением различных интенсификаторов, усиливающих эмотивный компонент недоверия. Однако в целом для достижения прагматической эквивалентности не требуется крупных преобразований ТП, поскольку чаще всего скепсис выражается в семантике высказывания и через соотнесенность с конкретным контекстом.

2.2.3. Прагматическая эквивалентность в конкурирующих КД с доминирующим интерактивным актом запроса

В ходе анализа был выявлен 21 пример КД с доминирующим интерактивным актом запроса, далее КД запроса, что составляет примерно 6% от общего числа проанализированных примеров. Запрос может

реализоваться в интеррогативах, угрозах, а также утверждениях, сообщениях и т.д. В качестве противодействующей реплики может выступать отказ дать информацию, ложный или неполный ответ, представляющий собой нарушение Принципа Кооперации – нарушение постулатов качества, а также количества, описанное С.В. Шиловой (Шилова 1998 : 114), возмущение, ответный вопрос и т.д. В данном параграфе мы сконцентрируемся на анализе иницирующих реплик, в которых реализуется интерактивный акт запроса. Границы между КД запроса и КД требования довольно нечеткие, т.к. запрос – это своего рода побуждение или требование дать информацию. Это также отмечает А.Г. Поспелова (Поспелова 2001 : 23). Часто один макро-РА содержит одновременно интеррогативы и требования, что можно проиллюстрировать на следующем примере:

(32) *A: Now look here: here's a question for you, and I don't mind telling you I mean to get a straight answer. What precisely was your game the other evening when you induced Christine to skip out of the dance with you? A straight answer, mind.*

B: [...] I can't give any sort of answer, straight or crooked, to a meaningless question. (ALJ : 89)

Иницирующая реплика представляет собой интерактивный акт запроса, реализующийся в макро-РА интеррогатива, который состоит из трех микро-РА и имеет целью получить от собеседника объяснение его поведения. Доминирующим микро-РА является второй – собственно интеррогатив. Первый – констатив (сообщение) – предваряет вопрос. Кроме того, в нем сообщается о желании получить качественную информацию от собеседника. Этот пропозициональный смысл можно выделить и в последнем РА рассматриваемой реплики. Таким образом, первый и третий микро-РА имеют функцию усиления категоричности запроса, т.к. в них представлено косвенное требование, являющееся попыткой ограничить собеседника в возможности выбрать, каким образом он ответит на поставленный вопрос. В одном из переводов данного КД на русский язык рассматриваемое косвенное

требование в форме сообщения получает эксплицитную форму выражения, содержащую перформативную конструкцию:

- (а) *А: Теперь слушайте: у меня есть к вам вопрос, и скажу прямо, я требую, чтобы вы ответили честно. В чем заключалась ваша игра в тот вечер, когда вы уговорили Кристину убежать с танцев вместе с вами? Только честно.*

В: [...] На такой бессмысленный вопрос я не могу ответить ни честно, ни нечестно. (ЭСДж : 393)

Переводческое решение, связанное с эксплицированием формы выражения требования, вполне обосновано, поскольку в ИТ для выражения насмешливо-ироничного оттенка используется прием, довольно характерный для английского языка, но скорее необычный для русского языка: литота (о значении литоты для английской лингвокультуры см. Филиппова 2003 : 162). Этот прием требует прагматической адаптации. Правда, следует отметить, что экспликация коммуникативного смысла высказывания в ТП, имевшая место в рассмотренном выше примере, в некоторой степени нарушила прагматическую эквивалентность оригиналу — высказывание в переводе звучит более категорично и полностью утрачивает насмешливо-ироничный оттенок. Второй перевод в семантическом отношении немного дальше от оригинала, но ближе в отношении иллокутивной силы первого РА:

- (б) *А: У меня к вам, дружище, есть вопросец, и я, заметьте, **отнюдь не против** получить максимально пряменький ответец. [...]*

В: [...] На бессмысленные вопросы ответцев у меня нет — ни пряменьких, ни кривеньких. (ЭВДж : 45)

В представленном выше примере литота *I don't mind telling you* компенсируется литотой *отнюдь не против*, а также добавлением уменьшительно-ласкательных суффиксов. Благодаря такой прагматической адаптации сохраняется насмешливо-ироничный оттенок. С другой стороны, второй проанализированный перевод в меньшей степени учитывает лингвокультурологические различия между русским и английским языками, т.е. тот факт, что, возможно, манера выражаться, представленная в ИТ, не

воспринимается как экзотичная получателями текста на ИЯ, в то время как перевод для получателей текста на ЯП звучит довольно экзотично.

Иногда для достижения прагматической эквивалентности добавляются семантические компоненты и целые РА. Рассмотрим в качестве примера фрагмент диалога, в котором запрос-требование переводится запросом-интеррогативом с добавлением констати́ва:

(33) *...Everybody hates you, Dixon, and my God I can see why. Anyway, the point is I want an explanation of your conduct. (ALJ : 100)*

...Все вас на дух не выносят, и, видит Бог, я понимаю почему. Ну и как вы объясните свое поведение? Я вас внимательно слушаю. (ЭВДж : 50)

Запрос в форме интеррогатива звучит менее категорично, чем запрос в форме ассертива. Однако, на уровне макро-РА категоричность сохраняется благодаря добавлению ассертива *Я вас внимательно слушаю*. Таким образом, в целом можно говорить о прагматической эквивалентности отрывка.

Однако чаще всего для достижения прагматической эквивалентности при переводе КД запроса не требуется прагматической адаптации. В целом, дискурс запроса во многом определяется экстралингвистическими факторами, которые угадываются из контекста и ко-текста, поэтому, как правило, для достижения прагматической эквивалентности не требуется особых семантических, синтаксических или лексических преобразований – практически все проанализированные примеры обнаруживали сильную структурную близость к оригиналу.

2.3. Прагматическая эквивалентность в конфликтующих КД

Под конфликтующими КД в работе понимаются такие, которые связаны с оценкой личности или поведения другого коммуниканта или с выражением отрицательных эмоций по отношению к личности или поведению собеседника. К ним относятся КД с доминирующими РА высказывания возмущения, высказывания раздражения, выражения агрессии (которые можно объединить в группу эмотивных КД), а также КД с

доминирующими РА выражения упрека и обвинения (которые можно объединить в группу оценочных КД). Если основываться на классификации интерактивных актов А.Г. Пospelовой (Пospelова 2001 : 33), придется признать, что почти все перечисленные выше иллокутивные акты являются реализацией одного интерактивного акта информирования. Поэтому за основу субклассификации конфликтующих КД мы взяли иллокутивные, а не интерактивные акты. В данной работе принимается традиционная классификация иллокутивных актов, предложенная Дж. Остином (Austin 1962) и Дж. Серлем (Searle 1969) и разработанная такими исследователями как Л.П. Чахоян (Чахоян 1998), Т.Н. Шеллингер (Шеллингер 1986), А.А. Романовым и А.П. Костяевым (Романов, Костяев 2011). Все представленные в иллокутивных актах интенции связаны с нарушением правил вежливости. Перейдем к рассмотрению того, как данные типы интенций учитываются при достижении ПЭ в переводе.

2.3.1. Прагматическая эквивалентность в конфликтующих КД с доминирующим речевым актом упрека

В класс КД с доминирующим РА упрека входят микродиалоги, связанные с выражением неодобрения в адрес собеседника. Упреки относятся к ликоугрожающим актам и характеризуются тем, что в них нарушаются правила вежливости.

В ходе исследования было выявлено, что упрек является одной из наиболее частых конфронтационных интенций. В целом было выявлено 79 примеров КД упрека (22% от общего количества рассмотренных примеров КД). В основе КД упрека находится РА упрека, выражающий неодобрение каким-либо поступком адресата (Иванкова, Макарова 2015 : 42). Упреки бывают прямые и косвенные (Пospelова 2001 : 45). Как отмечает Н.А. Каразия, к прямым способам выражения упрека в английском языке относится грамматическая форма «You + Modal Predicate (should/ could/ might+Perfect Infinitive)» (Каразия 2004 : 11), т.е. форма ассертива с

модальным глаголом или утверждение, ориентированное на прошлое. Этим конструкциям свойственна моноинтенциональность (в терминах А.Г. Пospelовой), т.е. «закрепленность» формы за выражением интенции упрека. Это в особенной мере касается конструкций, выражающих отрицание типа «You shouldn't have done this». Остальные формы выражения упрека относятся к косвенным, точнее к полиинтенциональным (в терминах А.Г. Пospelовой). В рамках данной работы мы, в отличие от А.Г. Пospelовой, не относим упреки директивного типа к прямой форме выражения упрека. В ходе анализа было обнаружено, что РА упрека обнаруживает особенно большое количество косвенных форм выражения, которые несут большую функциональную нагрузку и обладают лингвокультурной спецификой. Для оценки прагматической эквивалентности потребовалось провести анализ форм выражения интенции упрека в английском и русском языках. В результате применения метода прагматического анализа удалось выделить 11 прагматических форм выражения интенции упрека в английском языке и 10 прагматических форм выражения интенции упрека в русском языке. Как в английском, так и в русском языке прагматические формы выражения интенции упрека в целом делятся на РА асертивного, директивного и интеррогативного типа. Прямой формой выражения упрека асертивного типа, как было отмечено выше, служат утверждения, ориентированные на прошлое:

(34) *You [...] shouldn't have had it if you wasn't going to keep it (CTG : 89)*

Не надо[...]было заводить раз не собиралась воспитывать (ЧТГ : 107).

В качестве однородных косвенных форм выражения упрека можно выделить три типа асертивов, среди которых 1) восклицания:

(35) *Бертран, как тебе не стыдно! (ЭВДж : 53),*

2) сообщения:

(36) *You never told me (CTG : 90)*

Ты никогда мне это не говорила (ЧТГ : 108)

и 3) утверждения. Среди последних мы выделяем: а) утверждения, ориентированные на настоящее (констатации):

(37) *You hurt people's feelings and you don't even notice (DTH : 79)*

Ты обижаешь людей и даже не замечаешь этого (ДВМ : 82);

б) утверждения с когнитивными глаголами, выполняющими функции хэджирования:

(38) *Anyone would think you wanted someone to get shot (HFQO : 135)*

Можно подумать, ты действительно хочешь, чтобы кого-то расстреляли (ХПЧА : 66),

а также в) экспрессивные утверждения (содержащие, например, гиперболы):

(39) *You're always staring at me (HFQO : 228)*

Вечно ты пялишься на меня (ХПЧА : 110).

Среди разнородных косвенных упреков в форме интеррогативов выделяются

1) специальные вопросы:

(40) *Why were you so nasty to him? (DTH : 79)*

Зачем ты его выгнала? (ДВМ : 73),

2) специальные риторические вопросы:

(41) *Why can't I visit my own family without all this? (DTG : 87)*

Почему я не могу навестить собственную семью без всего без этого? (ДТГ : 105),

3) общие риторические вопросы:

(42) *Don't you think you've done enough? (HFQO : 261)*

А ты не боишься, что и так уже достаточно всяких дел натворила? (ХПЧА : 128),

а также 4) разделительные вопросы в английском языке:

(43) *You [...] hadn't got time to say a single word to me, had you? (BLJ : 75)*

Заметим, что многие исследователи отмечают особый статус разделительных вопросов среди интеррогативов. Например, Л.П. Чахоян относит разделительный вопрос (disjunctive question) к предположениям, т.е. к констатирующим коммуникативным единицам, поскольку говорящий ожидает подтверждения или выражения согласия с его высказыванием (Чахоян 1980 : 67). Однако при выражении упрека разделительный вопрос выполняет функции, очень близкие к тем, что выполняют интеррогативы (подробнее об этом см. ниже). Кроме того, в качестве ответа на

разделительный вопрос может последовать не только подтверждение сформулированного в нем предположения, но и его опровержение, что сближает эту группу с общими вопросами.

Среди разнородных косвенных РА упреков в форме директивов выделяются 1) требования с модальным глаголом:

(44) *You should prepare my meals like a proper mother (DTH : 33)*

Ты должна мне все готовить, как полагается хорошей матери (ДВМ : 38);

2) повеления, выраженные в форме императива:

(45) *Oh, don't be so mean! (OLBA : 25)*

Послушай, не будь собственником (ООГ 1 : 20);

а также 3) просьбы в форме вопроса:

(46) *Oh why don't you shut up, please! (OLBA : 39);*

Конструкции наподобие тех, что приведены в примере (46), были отнесены нами к директивам, а не к интеррогативам, в силу их широкого применения, особенно в английском языке, для обозначения просьбы. Многие исследователи отмечают, что подобные образования утратили связь с тем РА, с которым они формально сходны (Поспелова 2001 : 29) и также не относят предложения типа «Why not+ infinitive» к интеррогативам. Надо отметить, что на этом же основании следовало бы пересмотреть вопрос прямой формы выражения упрека в русском языке: по нашему мнению, в силу их большой частотности в русском языке риторические вопросы должны быть отнесены к моноинтенциональной форме выражения упрека. Вопрос прагматической формы выражения прямого (моноинтенционального) упрека в русском языке требует отдельного рассмотрения и подробно в настоящей работе исследоваться не будет.

Кроме того, к прагматическим средствам выражения упрека можно отнести иронию. Это отдельная область исследования, которая в данной работе также подробно рассматриваться не будет. Несмотря на то, что прагматические формы выражения упрека в английском и русском языках в целом пересекаются, существуют функциональные различия в употреблении той или иной формы. Об этом свидетельствуют результаты, полученные при

помощи переводоведческого анализа. Переводоведческий анализ переводов 70 микро-КД упрека показал, что в некоторых случаях при переводе происходит переход от ассертивной или директивной формы выражения упрека к интеррогативной, или, наоборот, от интеррогативной формы к ассертивной или директивной. Для оценки прагматической эквивалентности таких трансформаций потребовалось провести анализ интенсивности упрека, выражаемого при помощи той или иной прагматической формы, что было сделано при помощи опроса носителей русского и английского языков. Результаты опроса будут освещены ниже (см. с. 57). Здесь же просто перечислим трансформации, выделенные на материале 70 КД, содержащих упрек.

1. Переход от ассертивной формы выражения упрека к интеррогативной:

1) утверждение, ориентированное на прошлое (классический упрек) – специальный вопрос:

(47) *You shouldn't have said that (HFQO : 275) – Зачем ты так? (ХПЧА : 135)*

2) констатация => специальный риторический вопрос:

(48) *You never think. (DTH : 9) – Почему не подумать сначала?! (ДВМ : 12);*

(49) *There's no need to be so superior. (DTH : 80)*

А ты-то что важничаешь? (ДВМ : 83)

3) констатация => общий риторический вопрос:

(50) *It's quite a simple thing, you know—turning over a page (OLBA : 25)*

Неужели так трудно научиться переворачивать страницу? (ООГ 2 : 388)

2. Переход от директивной формы к ассертивной:

директив с модальным глаголом => утверждение:

(51) *You needn't take all her gin. (BRT : 117)*

А ты, кажется, намерен выпить весь ее джин (БПН : 71).

3. Переход от директивной формы выражения упрека к интеррогативной:

1) Директив в форме императива => специальный вопрос:

(52) *Don't be so bloody thin-skinned. (BRT : 50)*

Черт вас побери, почему вы так обидчивы? (БПН : 29)

2) Директив в форме вопроса => специальный риторический вопрос:

(53) *Why don't you take a bit of pride in yourself? (DTH : 67)*

Где твоя гордость! (ДВМ : 69)

4. Переход от интеррогативной формы выражения упрека к ассертивной:

1) общий риторический вопрос => восклицание:

(54) *Are you a common mule? (RHP : 187)*

Ты уподобился обычному мулу! (РГП 2 : 359)

2) общий вопрос => констатация:

(55) *Haven't you learned to think for yourself? (CTG : 93)*

А своей головой думать так и не научилась (ЧТГ : 112)

3) специальный вопрос => восклицание:

(56) *Bertrand, how can you be so rude? (BLJ : 105)*

Бертран, как тебе не стыдно! (ЭВДж : 53)

5. Переход от интеррогативной формы выражения упрека к директивной:

1) общий вопрос => императив в форме вопроса:

(57) *Do you have to make all that racket? (OLBA : 25)*

Потише не можешь? (ООГ 2 : 388)

Также могут иметь место трансформации внутри выделенных трех крупных классов:

1) утверждение => восклицание:

(58) *You should know if anyone. (CTG : 63) – Да уж вам ли не знать. (ЧТГ : 84)*

(59) *You had to throw yourself at the first man you met, didn't you? (DTH : 62)*

Бросилась на шею первому встречному, вот что! (ДВМ : 65)

2) общий вопрос => специальный риторический вопрос:

(60) *Do you have to be so offensive? (OLBA : 52)*

(а) *Почему нужно обязательно обижать людей? (ООГ 1 : 46);*

(б) *К чему такая агрессия? (ООГ 2 : 413)*

Отдельную группу составляют трансформации, связанные с переводом разделительного вопроса, поскольку последний не имеет прямого аналога в русском языке и может передаваться различными средствами. На материале собранных примеров удалось выделить следующие способы перевода упрёка в форме разделительного вопроса:

1) разделительный вопрос => утверждение, за которым следует верификативный вопрос (терминология Л.П. Чахоян):

(61) *You were all over that Gore-Itchbag character, hadn't got time to say a single word to me, had you? (ALJ : 75)*

Ты просто вцепилась в этого Гор-Эркарта, для меня минутки не нашла. Скажешь, нет? (ЭВДж : 38)

1) разделительный вопрос => восклицание:

(62) *My father got his head blown off and it's all a stinking game to you, isn't it? (HFQO : 183)*

Моему отцу голову на фронте оторвало, а вы тут все развлекаетесь! (ХПЧА : 91)

2) разделительный вопрос => общий вопрос:

(63) *You couldn't wait, could you? (DTH : 62)*

Ты что — не могла подождать немного? (ДВМ : 65)

3) разделительный вопрос => констатация:

(64) *Don't know much, do you? (CTG : 43)*

Не очень-то много ты знаешь (ЧТГ : 68).

Иногда немотивированные трансформации прагматической формы выражения той или иной интенции могут привести к нарушению прагматической эквивалентности и внутренней логики текста:

(65) *A: I don't see why that calls for this incredible outburst.*

B: Don't you? Perhaps you're not as clever as I thought. (OLBA : 56)

A: К чему эта вся невероятная вспышка гнева?

B: Ах, ты не понимаешь, что к чему. Я думал, ты умнее. (ООГ 2 : 419)

В ИТ используется нетипичная форма выражения упрёка (более мягкая): утверждение, соотносимое с ментальным планом. Агрессивно настроенный адресат строит на этом свое обвинение в том, что его собеседница

недостаточно умна. В русском языке выбирается более сильная форма упрека, за счет чего теряется соотнесенность с ментальным планом – последняя оказывается невыраженной в ТП. Это нарушает связь следующей реплики с предыдущей. Учитывая то, что когнитивные глаголы выполняют одинаковые функции хеджирования в русском и английском языках, лучше было бы перевести первое высказывание следующим образом: *Не понимаю, к чему эта невероятная вспышка гнева?*). Чтобы правильнее оценить прагматическую эквивалентность наблюдаемых трансформаций, отделить случаи неправильного перевода от случаев прагматической адаптации, потребовалось провести опрос носителей русского и английского языков и сопоставить полученные результаты.

Отправной точкой исследования послужила гипотеза о том, что различные прагматические формы упрека могут быть соотнесены с различной степенью интенсивности, которую можно описать при помощи двух параметров: степени категоричности упрека и степени выраженности эмотивного компонента. Эта гипотеза легла в основу составленного нами опросника, который состоял из пяти главных вопросов и одного вспомогательного, уточняющего возраст респондентов. В первом вопросе была описана конкретная бытовая ситуация и респондентам предлагалось самим сформулировать упрек в текстовом поле. Этот вопрос был направлен на выяснение основной, прототипической формы выражения упрека в исследуемом языке. В последующих вопросах респондентам предлагались различные формы, которые надо было либо сопоставить между собой (вопросы 2-3), либо соотнести с различными ситуациями (вопросы 4-5), которые должны были соответствовать упрекам различной степени интенсивности: мягкому упреку в дружелюбной форме; ясному, но не агрессивному упреку и сильному упреку, с преобладанием эмоций. К рассмотрению предлагались упреки, которые были выделены на основе анализа литературы. Их форма была упрощена и сведена к общей схеме. Чтобы достичь большей естественности ответов, в каждом случае

респондентам предлагалась конкретная ситуация, которая должна была бы спровоцировать упрек (например, несдержанное обещание или проявление грубости собеседника).

В целом при помощи анкеты было опрошено 42 русских и 42 английских респондента, что примерно соответствует выборке с пределом погрешности в 13% и уровнем доверия 90%. Полученные данные достаточно разнородны, что не удивительно, ведь употребление языка зависит не только от конкретной ситуации, но и от характера человека и его манеры общения. Однако применение опросника все же позволило наметить некоторые тенденции. Так, было отмечено, что в русском языке при выражении упреков преобладают интеррогативы, в то время как говорящие на английском языке скорее склонны использовать ассертивы. Это наблюдение подтверждается и другими исследователями, которые отмечают высокий процент вопросительных предложений в русском языке (Иванкова, Макарова 2015 : 42). Интеррогативы выполняют в русском и английском языках различную функцию. Показательными являются ответы на второй вопрос анкеты, в котором респондентам предлагался бинарный выбор между интеррогативом и ассертивом. Для обеспечения более объективной картины была предусмотрена графа «другое», в которой респонденты могли предложить свои собственные варианты. Была поставлена задача выбрать вариант, который звучит более дружелюбно. Русским респондентам предлагался выбор между двумя вариантами: *Не надо было так поступать* и *Зачем ты это сделал?* Значительная часть (73%) русских респондентов выбрала первый вариант, т.е. ассертив. Другие 4% предложили свои варианты – тоже ассертивы. Английским респондентам предлагались варианты *You shouldn't have done this* и *Why did you do that?* Здесь 60% английских респондентов выбрали последний вариант, т.е. интеррогатив. Еще 4% предложили свои собственные варианты, среди которых встречались интеррогативы и ассертивы (в соотношении 1:1). Даже с учетом предела погрешности разница между ответами русских и английских респондентов достаточно велика. В

следующем вопросе, который был сформулирован аналогично второму, английским респондентам предлагался выбор между ассертивом и двумя интеррогативами, одним из которых был разделительный вопрос. Результаты опроса показали, что разделительный вопрос в нормальном случае (т.е. вне широкого контекста, без учета иронии, сарказма и др.) воспринимается как слабый упрек наравне с интеррогативом (53% испытуемых выбрали разделительный вопрос, остальные 33% выбрали интеррогатив. С учетом размера выборки эта разница незначительна). Русским респондентам в аналогичном вопросе было предложено четыре формы: по два интеррогатива и по два ассертива. Среди них не было ассертивов, относящихся к прошлому, т.е. упрека типа «надо было + инф.». Этот вопрос не дал однозначных результатов – ответы распределились равномерно по всем четырем предложенным формам. Четвертый и пятый вопросы были построены по одинаковой схеме. В четвертом вопросе было представлено восемь различных способов упрекнуть собеседника в грубости, среди которых были директивы, ассертивы и интеррогативы. Очевидно, задача распределения форм по категориям далась респондентам нелегко – чаще всего упреки попадали в категорию ясных, но не агрессивных. Но все же наметились некоторые тенденции: директивы *Не груби* и *Не надо грубить!* воспринимались скорее как агрессивная форма выражения упрека, в то время как специальный вопрос *Зачем грубить?* значительной частью респондентов (50%) воспринимался как более дружелюбная форма упрека. Очевидна зависимость интенсивности упрека от конкретной ситуации: в русском языке специальные вопросы, относящиеся к прошлому и специальные вопросы, относящиеся к настоящему, воспринимаются неодинаково. Для подтверждения этой гипотезы было проведено отдельное небольшое исследование, в котором респондентам предлагались к рассмотрению варианты *Зачем ты это делаешь?* и *Зачем ты это сделал?*, из которых необходимо было выбрать более дружелюбную форму. Из 50 опрошенных 81% оценили первую форму выражения упрека как более дружелюбную. В

пятом вопросе исследовались формы упреков, относящиеся к прошлому. Было представлено восемь способов упрекнуть собеседника в несдержанном обещании, среди которых были представлены интеррогативы, ассертивы и директивы. Здесь также наметились некоторые тенденции: директив *He обещай, если не можешь выполнить* воспринимался скорее как агрессивная форма упрека (61% респондентов отнесли его в эту категорию), восклицание *Как ты мог нарушить свое обещание!* воспринималось как агрессивный, эмоциональный упрек. Хотя также следует отметить, что немалая часть респондентов (20%) отнесла данную форму упрека в категорию «звучит странно». Аналогичное восклицание *How could you break your promise*, предложенное английским респондентам, не вызвало у них сомнений относительно естественности звучания и получило оценку недружелюбного. В отличие от директивов в русском языке, в английском языке эта форма упреков не получила столь однозначной оценки: директив *Don't make promises you can't keep* был равномерно распределен респондентами по трем предложенным категориям, немалая доля ответов пришлась на категорию мягкого, дружелюбного упрека (около 43%). Директив *Don't be so rude!* отнесен скорее к агрессивной форме выражения упрека, хотя нашлось немалое количество респондентов (21%), которые отнесли его в категорию мягких упреков.

Надо отметить, что при составлении опросника мы пытались абстрагироваться от лексических средств, влияющих на интенсивность упрека. Смягчение упрека может также достигаться с помощью стратегий хеджирования. Кроме того, результаты анкетирования не учитывают иронии, занимающей важное место в англо-саксонской культуре. Подтверждение этому можно найти и в результатах опросника: среди вариантов, предложенных респондентами в качестве более дружелюбной альтернативы к ассертиву *You shouldn't have done this* и интеррогативу *Why did you do that?* был ироничный ассертив *That's an interesting approach (with irony)*.

Тем не менее, на основании проведенного анкетирования удалось сделать некоторые выводы: 1) если в русском языке интеррогативы широко употребляются для выражения упреков разной степени интенсивности, то в английском языке их употребление закрепилось за более мягкой формой выражения упрека; 2) в русском языке директивы выражают резкий упрек, тогда как в английском их употребление может служить выражению упреков разной степени интенсивности; 3) при употреблении упреков главную роль играет ситуация. Поэтому нельзя сказать, что одна только трансформация прагматической формы может сильно повлиять на прагматическую эквивалентность перевода. Тем не менее, выделенные различия могут помочь переводчику более правильно интерпретировать прагматическую форму выражения упрека в тексте оригинала.

Прагматический анализ переводов КД упреков показал, что при реализации прагматической эквивалентности особую проблему представляет феномен прагматической амбивалентности (А. Thomas 1986 : 156), т.е. двусмысленности, преднамеренно вкладываемой коммуникантом в высказывание при помощи использования косвенного РА. Проиллюстрируем то, как один и тот же самый диалог в результате прагматической амбивалентности может получить различную интерпретацию в переводах:

(66) A: *What makes you say that? [...]*

B: *Well, nothing really [...]. I had a little brush with him just now, that's all. I got into some mix-up over his girl's name, and he was a bit offensive, I thought. Nothing drastic. (ALJ : 20)*

A: *Откуда этот тон?*

B: *Тон как тон [...]. Просто между мной и Бертраном имела место некоторая шероховатость. Я чего-то недопонял насчет его подруги, а он стал усугублять ситуацию. Кажется. А вообще ничего существенного. (ЭВДж : 11)*

Моноинтенциональный вопрос *What makes you say that?* интерпретируется переводчиком как полиинтенциональный упрек (не смотря на то, что в английском языке упреки в форме открытого вопроса гораздо менее

употребительны, чем в русском). Реплика адресата *Well, nothing really*, в английском языке является ответом на специальный вопрос, т.е. на просьбу объяснить свое поведение – актуализируется иллокуция, чаще всего соотносимая с РА такой прагматической формы. В русском переводе данное высказывание получает значение ответа на имплицитный упрек, скрытый в вопросе *Откуда этот тон?* Ответная реплика *Тон как тон* является оправданием, т.е. одной из возможных реакций на упрек. При этом она не может быть истолкована как ответ на специальный вопрос. Таким образом, специальный вопрос оригинала, выражающий удивление, в русском переводе превращается в упрек. Более правильный, прагматически эквивалентный перевод был представлен другим переводчиком, передавший первое высказывание при помощи специального вопроса, выражающего удивление – *А почему, собственно, вы так говорите?* Конечно, чаще всего анализ целого диалогического единства снимает амбивалентность, заложенную в том или ином высказывании и случаи неправильного истолкования интенции РА переводчиком встречаются гораздо реже, чем в повседневном общении. Однако представленный выше пример демонстрирует необходимость обращения к целому диалогическому единству в переводе.

2.3.2. Прагматическая эквивалентность в конфликтующих КД с доминирующим речевым актом обвинения

Под обвинением мы понимаем РА, приписывающий человеку мотивы или качества, достойные осуждения. Обвинение во многом похоже по характеристикам на упрек. Как отмечает А.Г. Пospelова, обвинения, в отличие от упреков, выражают гнев достаточно большой степени интенсивности (Пospelова 2001 : 22). Однако существует еще одно различие, которое, на наш взгляд, достаточно существенно для того чтобы выделить речевые ситуации обвинения в отдельную группу КД: обвинение приписывает адресату какое-либо отрицательное качество или касается причин и мотивов поступков, тогда как упрек просто выражает неодобрение

наблюдаемого поведения. Исходя из этих соображений представляется неправильным переводить упрек приведенный в примере (44) – *Oh, don't be so mean!*, обвинением *Жадина* (как это было сделано в переводе пьесы Дж. Остина, выполненном М. Строниным – ООГ 2 : 388). Для сохранения интенции упрека правильнее было бы перевести это выражение *Не будь таким жадным!*, *Разве можно быть таким жадным?* или так, как это было сделано Д. Урновым (см. пример 44).

КД обвинения представлен 21 диалогом, что составляет примерно 6,7% от общего количества проанализированных примеров. На материале выделенных примеров удалось установить прагматические формы выражения обвинений в оригинальных текстах на английском языке и их русских переводах. Среди них встретились косвенные РА ассертивного и интеррогативного типа. Кроме того, в русских переводах встретились косвенные РА директивного типа. Речевых актов директивного типа, выражающих обвинение, в английских текстах, обнаружено не было. Среди ассертивов-обвинений выделяются утверждения, содержащие характеризующие существительные:

(67) *You low rotten pimp. You murdering little [...] ponce* (BRT : 226),
разделительные вопросы:

(68) *Got rid of her nicely, didn't you?* (BRT : 226)

и утверждения о мотивах собеседника:

(69) *You wanted to get rid of me* (ShP : 286).

Интеррогативы могут иметь форму специальных вопросов:

(70) *What are you plotting?* (OLBA : 56)

или общих вопросов:

(71) *Do you hate me, James?* (ALJ : 75).

Как и упреки, обвинения можно классифицировать по степени интенсивности выражаемой эмоции или эмотивного компонента. Наибольшей интенсивностью обладают утверждения, содержащие характеризующие существительные, т.к. они граничат с оскорблением и

являются сильной атакой на положительное лицо собеседника. Иногда для выражения такого рода обвинений используются стратегии хеджирования:

(72) *You know what they're calling you round here? A silly little whore! (DTH : 62)*

Не смотря на то, что данный РА содержит характеризующее существительное *whore*, он обладает меньшей интенсивностью, чем утверждение *You are a whore*, т.к. предваряется вопросом, содержащим отсылку на чужое мнение. Рассмотренное обвинение граничит с упреком. Нередко обвинение не выражается эксплицитно, а заложено в пресуппозициях и имплицитных смыслах. Это можно проиллюстрировать на следующем примере: один из коммуникантов отказывается разговаривать, имплицитно выражая оценку своего собеседника:

(73) *Well, I know who you are all right, then. And all about you (BLJ : 93).*

В семантике этого высказывания не заложено информации ни о каких конкретных качествах собеседника. Однако именно то, что эти качества не называются, дает основание предположить, что их озвучивание противоречило бы принципу вежливости, отсюда имплицитный смысл о том, что эти качества отрицательные. В имплицитном обвинении эмотивный компонент гнева выражен слабее, чем в эксплицитном. Таким образом, имплицитное обвинение обладает меньшей интенсивностью по сравнению с эксплицитным.

В целом прагматическая эквивалентность обвинений определяется двумя параметрами: степенью категоричности и эмотивной составляющей обвинения. Под категоричностью мы понимаем то, насколько говорящий передает слушающему свою уверенность в тех качествах или мотивах, в которых он его обвиняет. Например, интеррогативы в целом обладают меньшей степенью категоричности при выражении обвинения, чем ассертивы – ср. интеррогатив в примере (73) и ассертив в примере (74):

(74) *Вы намерены подчинить ее своей власти? (ООГ 1 : 47)*

(75) *Значит, решила во что бы то ни стало выкрасть ее у меня. Да? (ООГ 2 : 414).*

Под эмотивным компонентом понимается интенсивность эмоций, заложенных в обвинении, т.е. распределение обвинений по шкале информативность – эмотивность. Например, информативный компонент довольно слабо представлен в следующем обвинении:

(76) *You bitching, thieving... (HFQO : 106),*

о чем свидетельствует его эллиптическая структура (опущено характеризующее существительное) – характеристика, которую оно описывает, довольно размыта. Эмотивный компонент в данном обвинении представлен сильнее, чем информативный.

При переводе обвинений структура переводного текста чаще всего в точности повторяет структуру оригинала. При этом допускаются отклонения в семантике характеризующих существительных, что объясняется высокой степенью культурной обусловленности подобной лексики. С точки зрения прагматической эквивалентности такие семантические неточности вполне оправданы, т.к. главной интенцией характеризующих существительных является выражение определенных эмоций, в то время как семантика высказывания не столь важна. В редких случаях выявлены трансформации прагматической формы выражения обвинения. Так, иногда ассертивы при переводе передавались интеррогативами. Например, утверждение:

(77) *You want me back only to pick up your slippers and put up with your tempers and fetch and carry for you (ShP : 284)*

в переводе П. Мелковой было передано общим вопросом:

Вы хотите, чтобы я вернулась только затем, чтобы подавать вам туфли, терпеть ваши вздорные причуды и быть у вас на побегушках? (ШП 2 : 101)

Здесь происходит смягчение обвинения за счет того, что высказывание обличено в форму вопроса и требует подтверждения, что делает его не таким категоричным. В переводе Е. Калашниковой то же утверждение передается при помощи двух речевых актов – специального вопроса, за которым следует риторический общий вопрос:

А зачем я вам нужна? Только для того, чтобы подавать вам туфли, и сносить все ваши капризы, и быть у вас на побегушках? (ШП 1 : 261)

Не смотря на то, что этот вариант перевода структурно дальше от оригинала, чем первый, с точки зрения прагматической эквивалентности он ближе, поскольку риторический вопрос добавляет категоричности высказыванию, представляя собой имплицированный ответ на первый вопрос.

Граница между упреком и обвинением не всегда достаточно четкая, что можно проиллюстрировать на следующем примере:

(78) *America, America, you're jealous (CTG : 94)*

Америка, Америка, хватит завидовать. (CTG : 113)

В переводе ассертив передается директивом, за счет чего меняются тематические отношения: смысловой компонент «собеседник завидует» переходит в пресуппозицию – высказывание *хватит завидовать* подразумевает, что факт зависти очевиден для обоих собеседников. Такая формулировка исключает возможность ответного обвинения, что делает его более категоричным. Рассмотренное выше обвинение можно также интерпретировать как упрек.

Интерес представляет случай, когда обвинение было переведено простым несогласием.

(79) *A: [...] You wanted to get rid of me.*

B: Liar.

A: Thank you. (ShP : 286)

A: Вы хотели избавиться от меня.

B: Врете.

A: Спасибо. (ШП 2 : 102)

В данном примере иницирующей репликой является обвинение коммуниканта А, которое вызывает конфронтационную реакцию коммуниканта Б – ответное обвинение. Второе иронизируется коммуникантом А, который делает вид, что воспринимает его как комплимент. В переводе обвинение *Liar* передается утверждением *Врете*, которое может выполнять функцию простого несогласия с собеседником, в то время как слово *liar* относится к определенным качествам человека и через его употребление на адресата «навешивается ярлык» лгуна, т.е.

человека, свойством которого является лгать. Такой перевод нарушает внутреннюю логику текста, т.к. становится непонятно, за что коммуникант А благодарит коммуниканта Б в третьей реплике.

Таким образом, границы между обвинением и другими типами конфронтационных интенций не всегда четкие, существуют переходные случаи между обвинением и упреком, обвинением и несогласием, обвинением и инвективом. Именно в таких переходных случаях могут наблюдаться существенные трансформации прагматической формы выражения обвинения. В остальном данный класс не является лингвистически маркированным и переводится в зависимости от контекста.

2.3.3. Прагматическая эквивалентность в конфликтующих КД с доминирующим речевым актом выражения агрессии

Конфликтующие КД с доминирующим РА выражения агрессии включают интенции, направленные на то, чтобы вызвать отрицательные переживания у собеседника. Агрессия может реализоваться в РА оскорбления, РА унижения, РА злопожелания, РА насмешки, а также в определенном классе угроз недирективного типа, которые направлены исключительно на то, чтобы вызвать у собеседника отрицательные переживания и не связаны с побуждением его к каким-либо действиям.

В ходе анализа было выявлено 34 примера КД выражения агрессии (примерно 10 % от общего числа проанализированных примеров). Из них 13 примеров приходятся на унижения и оскорбления и 15 примеров на насмешки. Остальные 6 примеров содержат угрозы и злопожелания.

В качестве языковых маркеров КД выражения унижения и оскорбления могут выступать характеризующие существительные и прилагательные (встретились в 9 из общего количества 13 проанализированных примеров), что сближает данную группу с КД обвинения. Примером перевода характеризующих существительных в КД агрессии может послужить

фрагмент диалога между двумя детьми, в котором один ребенок насмехается над другим, пытаясь манипулировать его поведением:

(80) A: *You're just chicken*, [...]

B: *I'm not!* [...]

A: *Chicken*.

B: *I just don't see the point in-* (HFQO : 229)

A: *Ну ты и размазня!* – [...].

B: *Ничего подобного!*

A: *Размазня!*

B: *Просто не вижу смысла...* (ХПЧА : 111)

В отличие от характеризующих существительных в РА обвинения, характеризующие существительные в РА унижения и оскорбления несут меньшую семантическую нагрузку. Сопоставительный компонентный анализ характеризующих существительных и прилагательных и их соответствий в переводах показал, что семантический потенциал исходных лексем реализуется в переводах не полностью. Рассмотрим подробнее приведенный выше пример. В русском языке слово «размазня» имеет два значения:

- 1) *разг.-сниж.* нерешительный, слабохарактерный человек;
- 2) порицающее или бранное слово (TCE). В английском языке слово «chicken» имеет значение 'coward' (MWD). Таким образом, рассматриваемые два слова не являются полными эквивалентами. Однако существенным фактором, повлиявшим на переводческое решение, в данном случае является сема нерешительности, а также пренебрежительный оттенок, который позволяет использовать данное слово с целью унижить собеседника. Несмотря на то что рассмотренные два слова не являются полными семантическими эквивалентами, перевод приведенного выше диалога можно считать прагматически эквивалентным оригиналу, поскольку он позволил передать интенцию унижения и оттенок пренебрежения, связанного с тем, что собеседник не готов ответить на вызов.

Как и обвинения, унижения и оскорбления могут различаться по шкале рациональность-эмоциональность. Например, унижение, выраженное при помощи иронии или имплицитных смыслов, более рационально, чем эмоционально, тогда как унижение, выраженное при помощи инвективов, содержащих характеризующие существительные, более эмоционально.

Часто в ТП имплицитная агрессия получает эксплицитную форму выражения:

(81) A: *You'll end up miserable and lonely. **You're not natural.***

B: *Could you please piss off? (DTG : 64)*

A: *И, в конце концов, вы будете одинокой несчастной бабой. **Вы вообще не женщина.***

B: *А не пошли бы вы отсюда подальше? (ДТГ : 86)*

Кроме того, при переводе КД в целом и КД агрессии в частности может потребоваться культурная адаптация, обусловленная различными нормами вежливости в английской и русской культурах. Иллюстрацией этому может послужить следующий пример: двое мужчин, коммуникант А и коммуникант С, только что поссорились, к диалогу подключается девушка коммуниканта С, высказывая легкий вежливый упрек в форме пожелания, чтобы разговор в недружелюбном тоне был прекращен:

(82) A: *...I always get a bit irritated by that sort of thing. I'm sorry, I can't do anything about it; it's just a thing about me, I'm afraid. [...]*

B: *Seen anybody about it yet?*

C: *What the hell do you mean? [...]*

B: *Who's your alienist? (ALJ : 23)*

В первой приведенной выше реплике представлены стратегии отрицательной вежливости: извинение, оправдание (ср. Brown and Levinson 2009 : 322; Tretyakova 2016 : 655). Не смотря на вежливость формы предыдущей реплики, недружелюбно настроенный коммуникант В проявляет вербальную агрессию, намекая на психическое расстройство девушки. Оскорбление имеет имплицитную форму, оно скрыто в намеке. Вопрос *Seen anybody about it* относится в английском языке к речевым стереотипам. Естественно, что

носителям английской культуры понятно, что *anybody* – это психиатр (или врач), а также ясен выводимый из этого имплицуруемый смысл. Поэтому вопрос коммуниканта С – это не просто вопрос-переспрос, а выражение возмущения. В следующем переводе учтены вышеперечисленные факторы:

(a) А: ...Подобные разговоры всегда действуют мне на нервы. *Может быть, это моя вина, но, боюсь, я ничего не могу с собой поделать.* [...]

В: А вы не пробовали обращаться к врачу?

С: Что вы мелете? [...]

В: А вас какой психиатр лечит? (ЭСДж : 30)

В переводе происходит культурная адаптация реплики девушки: добавляется модальная конструкция *может быть*, указывающая на некоторую степень неуверенности или неискренности. *I'm sorry* передается глаголом *боюсь*, выражающим малую степень уверенности. В целом высказывание девушки получает легкий оттенок раздражения. Раздражение гораздо сильнее завуалировано в ИТ, однако, как показывает сравнение с другим переводом, такая культурная адаптация оказывается необходимой для того чтобы избежать возникновения нежелательных импликатур: в переводе Ю. Фокиной такой культурной адаптации не производится, в результате чего высказывание получает ироничный / саркастичный оттенок, т.к. является слишком вежливым для русской культуры:

(б) Подобные вещи всегда меня несколько нервируют. К сожалению, ничего не могу с этим поделать. Такая индивидуальная особенность (ЭВДж : 13).

В результате ТП выражает гораздо большее раздражение, чем ИТ. Стереотип, содержащейся в реплике коммуниканта В, переводится соответствующим стереотипом, существующем в русском языке (ср. перевод Ю. Фокиной: *А вы уже к кому-нибудь обращались?* [ЭВДж : 13]). Наконец, реплика коммуниканта С переводится при помощи риторического вопроса-переспроса. Глагол *мелете* имеет значение, отсутствующее в английском глаголе *mean*: «говорить что-л. вздорное, болтать» (ТСЕ). Однако оценочный компонент, содержащийся в глаголе, компенсирует функцию междометия *the hell*. Правда, такой перевод снимает двусмысленность, заложенную в вопросе

What the hell do you mean, поскольку последний может также означать искреннее непонимание. В целом можно сказать, что семантически более близкий перевод (ЭВДж), не прошедший прагматическую адаптацию, обнаруживает меньшую степень прагматической эквивалентности оригиналу, чем семантически более далекий перевод (ЭСДж).

Чаще всего в качестве ответной реплики на РА агрессии выступает конфронтационная реплика. Исключение составляют КД, в которых нет видимого противодействия со стороны второго коммуниканта:

(83) *A: What do you want to read it for, anyway? You've no intellect, no curiosity. It all just washes over you. Am I right?*

B: Right.

A: What are you, you Welsh trash?

B: Nothing, that's what I am. (OLBA : 51)

В таком случае можно говорить о «шуточной агрессии» – коммуникант В понимает несерьезность интенции коммуниканта А и «подыгрывает» ему, соглашаясь с той низкой оценкой, которую ему дает коммуникант А. Этим он нарушает конвенциональную схему поведения, не реагируя должным образом на иницилирующую реплику. Однако, о том, что данная реакция не совсем соответствует ожиданиям коммуниканта А, свидетельствует продолжение прерывистого макро-РА унижения в третьей реплике. Также следует отметить, что типичная реакция на унижение – стремление поскорей закончить коммуникацию – проявляется и здесь. В работе И.В. Певневой подобная стратегия «псевдо-согласия» получила название «латентно-конфронтационной стратегии» (Певнева 2008б : 110). Рассмотрим один из переводов данного КД на русский язык:

A: А зачем, между прочим, тебе читать? У тебя нет ни ума, ни интересов.

Не в коня корм. Что, не правда?

B: Правда, правда.

A: Что ты из себя представляешь, жалкий провинциал?

B: Ничего. (ООГ I : 44)

Редупликация *правда, правда* подчеркивает то, что коммуникант В в действительности не выражает согласие с репликой коммуниканта А. Внешняя форма согласия, выраженная при помощи редупликации, отражает интенцию поскорее завершить коммуникацию. В английском оригинале эта же интенция выражается во второй реплике коммуниканта В при помощи усиления *that's what I am*. Таким образом, переводчик использует прием компенсации, который помогает сохранить прагматическую эквивалентность при переводе оригинала.

Подкласс насмешки / подтрунивания представлен 15 примерами. Насмешки могут различаться по эмотивному компоненту. Приведем пример преобразований, совершенных переводчиком для сохранения легкого, шуточного тона:

(84) A: *The capitalist beast [...]*.

B: *Give the girl her clothes back, Lufford [...], "she's turning blue." (BRT : 29)*

A: *Уже превращаешься в капиталистическую свинью? [...]*

B: *Верни девочке ее платье, похабник, смотри, она уже посинела от холода... (БПН : 15)*

В переводе утверждение передается общим вопросом, а также производится добавление глагола *превращаешься*. Это смягчает отрицательную оценку, заложенную в характеризующем существительном *свинья*. Заметим также, что во второй реплике производится добавление характеризующего существительного *похабник*, компенсирующего опущение обращения к собеседнику по фамилии. Значение слова – «бесстыдник» (ТСЕ) – выводится из контекста. Слово имеет помету «разг.-сниж.». Представляется, что последнее добавление обусловлено скорее субъективным фактором вкуса переводчика, чем стремлением сохранить прагматическую эквивалентность. Тем не менее, в целом перевод передает интенцию легкой насмешки / дружеского подтрунивания.

Нередко насмешка выражается при помощи иронии. Для подчеркивания интенции в ТП могут добавляться интенсифицирующие элементы – наречия и даже целые предложения.

(85) *A: I know what this is – it's Devil's Snare!*

B: Oh, I'm so glad we know what it's called, that's a great help (RHP : 202).

В представленном ниже переводе добавляется дополнительный семантический компонент *можно умереть*. Однако этот компонент выводится из контекста и не искажает общей интенции насмешки, т.е. в целом сохраняет прагматическую эквивалентность оригиналу.

(a) *A: Я знаю, что это такое – это Сети Дьявола!*

B: Какое счастье, теперь мы знаем, как оно называется, можно умереть спокойно... (РГП 2 : 386)

Другой перевод выдержан ближе к тексту, но и в нем используется более экспрессивное интенсифицирующее наречие, чем в ИТ:

(б) *Я ужасно рад, что это именно так называется! [...] Это, конечно, нам поможет! (РГП 1 : 315)*

Как отмечалось выше (с. 46), добавление различных интенсификаторов связано с культурно обусловленными различиями выражения иронии, которые требуют прагматической адаптации: в русском языке ирония требует большей степени маркированности, чем в английском.

Итак, перевод КД агрессии характеризуется широким использованием прагматической адаптации: зачастую требуется экспликация имплицитных смыслов, а также использование добавлений для правильной, прагматически эквивалентной передачи эмоционального компонента. В остальном достижение ПЭ возможно при сохранении лексической, семантической и синтаксической структуры оригинала.

2.3.4. Прагматическая эквивалентность в конфликтующих КД с доминирующим речевым актом выражения возмущения

Данный класс представлен 8 примерами (3% от общего числа проанализированных примеров). КД с доминирующим РА возмущения, далее КД возмущения, имеют много общего с КД несогласия, поскольку основной функцией возмущения является выражение несогласия (Соловьева 2012 : 66), однако основанием для выделения их в отдельный класс служит то, что в КД

возмущения обязательно присутствует эмотивный компонент, который требует прагматической адаптации при переводе. На этом основании РА возмущения можно отнести к слитным РА (в терминологии А.Г. Пospelовой)

Возмущения различаются по степени выражаемой эмоции. Иногда могут встречаться «завуалированные» возмущения – возмущения, выраженные в очень вежливой форме. Рассмотрим пример такого случая:

- (86) *Well, I'm very sorry, but I can't just stop everything because you want to listen to music (OLBA : 26).*

В двух проанализированных переводах сохраняется вежливая форма. Отрицательная оценка передается в обоих переводах за счет частицы *только*. В переводе М. Стронина добавлено обращение, которое несколько сглаживает интенсивность передаваемой эмоции:

- (a) *Дорогой, мне очень жаль, но я не могу бросить все только потому, что ты хочешь слушать музыку (ООГ 2 : 388).*

В переводе Д. Урнова эмотивно-оценочный компонент представлен сильнее благодаря отсутствию обращения, а также использованию совершенного вида глагола – «захотелось»:

- (б) *Извини, ради бога, но я не могу бросить все дела из-за того, что тебе захотелось послушать музыку (ООГ 1 : 20).*

Частой формой выражения возмущения являются риторические вопросы-переспросы (встретились в 4 из 8 примеров). Последние выполняют одинаковые функции в обоих языках и, как правило, обнаруживают в переводе сильную структурную близость оригиналу:

- (87) *A: It's my duty to warn you, sir," he said, "that violent and abusive behavior cannot be tolerated, and that it is my duty-*

B: What? [...] What behavior? You're the one who hit me! You can't- (HFQ : 290)

A: Обязан предупредить вас, месье: сопротивление и нанесение оскорблений полицейскому при исполнении карается законом; обязан также предупредить, что...

B: Что? [...] Какое еще сопротивление? Это ты ударил меня! Ты не можешь... (ХПЧА : 142)

В русском языке прагматическая эквивалентность достигается за счет добавления частиц – в данном случае частицы *еще*, служащей для передачи эмоции гнева. Кроме того, в макро-РА возмущения часто присутствуют риторические вопросы:

(88) *Have you gone out of your mind or something? (OLBA : 53)*

Ты что, свихнулась? (ООГ 2 : 414)

При выражении возмущения риторические вопросы выполняют одинаковые функции в обоих языках и переводятся также риторическими вопросами.

Таким образом, в целом наблюдается параллелизм структур ИТ и ТП. Прагматическая адаптация имеет место только при «вежливом» выражении возмущения, нетипичном для русского языка.

2.3.5. Прагматическая эквивалентность в конфликтующих КД с доминирующим речевым актом выражения раздражения

В результате исследования было найдено 18 конфликтующих микро-КД с доминирующим РА выражения раздражения, далее микро-КД раздражения (4% от общего числа проанализированных КД). РА раздражения имеет общие черты с РА требования, т.к. направлен на прекращение коммуникации или невербального действия другого коммуниканта, но, в отличие от требования, РА раздражения имеет обязательный эмотивный компонент, т.е., как и возмущение, является слитным РА. Интенцией РА раздражения является выражение эмоций, а также избавление от раздражающего фактора. В английском языке РА раздражения не имеет четкой лингвистически маркированной формы выражения. Раздражение передается в семантике высказывания и угадывается из контекста. В русском языке эмоция раздражения иногда эксплицируется через использование таких приемов как изменение порядка слов. Это можно проиллюстрировать на примере следующего фрагмента диалога:

(89) *A: ...I don't want a baby. I don't want to talk about gynaecology.*

B: Then stop trying to get Angie off of me. (CTG : 90)

A: ... **Не хочу я** ребенка. Не хочу говорить про гинекологию.

B: Тогда прекрати. Не смей забирать у меня Энджи. (ЧТГ : 108)

Раздражение может также эксплицироваться через использование риторических вопросов-восклицаний:

(90) A: *I should have got rid of you before you were born.*

B: *I wish you had done. You did with plenty of others, I know. (DTH : 62)*

A: *Надо было мне от тебя избавиться! **Зачем только я тебя рожала?!***

B: *Вот было бы хорошо! С другими ведь ты не церемонилась, я знаю! (ДВМ : 65)*

Иногда при переводе меняется прагматическая форма выражения РА раздражения:

(91) *'I can't start making promises to have your article out next week,' the voice said in a nettled tone [...], 'with things as difficult as they are. Surely you must see that... (ALJ : 94)*

В ТП констатив передается при помощи директива, который позволяет передать резкий, раздраженный тон высказывания:

(a) **Не рассчитывайте**, что ваша статья выйдет на следующей неделе, — произнес раздраженный голос [...], — с учетом нынешней ситуации... (ЭВДж : 47)

Во втором из проанализированных переводов сохраняется прагматическая форма утверждения, но производится добавление частицы и вводного слова, эксплицирующих раздражение:

(б) **Ну, знаете**, я не могу обещать, что статья ваша выйдет на будущей неделе... (ЭСДж : 109)

Таким образом, в целом наблюдается тенденция к экспликации раздражения в ТП, которая осуществляется при помощи различных лингвистических средств.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

1. Поскольку главным аспектом ПЭ является сохранение интенции ИТ в тексте оригинала, была предпринята классификация КД по интенции доминирующей конфронтационной реплики. В зависимости от общей интенции доминирующей конфронтационной реплики, КД делятся на конкурирующие и конфликтующие. Среди конкурирующих КД выделяются КД с доминирующим интерактивным актом побуждения, запроса и несогласия. Среди последних выделяются возражения, отказы и опровержения. Среди конфликтующих КД выделяются КД с доминирующим РА упрека, обвинения, выражения агрессии, возмущения, раздражения.
2. Повелительные КД различаются по степени категоричности, а также по эмотивному компоненту (агрессивные, неагрессивные КД). Категоричность директива, передаваемая в английском языке при помощи несмягченного императива, компенсируется в ТП при помощи добавления частиц и усиливающих наречий. Иногда для сохранения ПЭ требуется трансформация прагматической формы выражения директива. В ходе исследования было выделено 11 трансформаций прагматической формы выражения директива.
3. КД несогласия делятся на отказы, возражения и опровержения. РА отказа различаются по степени категоричности, а также по эмотивному компоненту (грубый – негрубый отказ). ПЭ при переводе отказов достигается благодаря использованию стереотипов, приема добавления, а также преобразованию структуры оригинала. Возражения чаще всего лингвистически немаркированы и сохраняют структуру оригинала: асертивы переводятся асертивами, интеррогативы – интеррогативами. Опровержения выражаются через категорию отрицания и часто переводятся буквально в силу своей простой логической структуры.
4. Как особый подкласс выражения опровержения в работе выделяются КД с доминирующим РА выражения скепсиса. РА скепсиса нередко передается при помощи интеррогативов в ИТ и ТП. Чаще всего сохранение

структуры оригинала позволяет установить прагматическую эквивалентность перевода, поскольку скепсис выражается в семантике высказывания, а также, в случае иронии, через соотнесенность с конкретной коммуникативной ситуацией и с контекстом.

5. КД с доминирующим интерактивным актом запроса могут различаться по степени категоричности. Последняя зависит от прагматической формы выражения запроса. Практически все проанализированные примеры переводов обнаруживали сильную структурную близость к ИТ.

6. РА упрека, лежащий в основе КД упрека, имеет множество прагматических форм выражения в русском и английском языках. Несмотря на то, что в целом прагматические формы выражения упрека пересекаются в русском и английском языках, наблюдается четко выраженная асимметрия в их употреблении, обусловленная лингво-культурологическими факторами. Эта асимметрия выражается в трансформациях на уровне прагматической формы – переходах от ассертивной и директивной формы выражения упрека к интеррогативной (выявлено 7 типов), от директивной или интеррогативной формы к ассертивной (выявлено 4 типа), а также от интеррогативной формы к директивной. Кроме того, асимметрия употребления упреков в форме интеррогативов и директивов была подтверждена результатами опроса носителей русского и английского языков.

7. Обвинения различаются по двум параметрам, которые влияют на ПЭ перевода: степени категоричности и эмотивной составляющей. Эти параметры определяются прагматической формой выражения обвинения, а также наличием или отсутствием характеризующих существительных. В виду симметричности выражения данных параметров в обоих языках структура КД обвинения в ТП чаще всего в точности повторяет структуру ИТ.

8. КД агрессии могут различаться по шкале рациональность-эмоциональность. Так, инвективы, выраженные при помощи характеризующих существительных и прилагательных, более эмоциональны,

их переводы обнаруживают несовпадения семантического состава. Агрессия, выраженная имплицитно, более рациональна, но перевод таких КД также обнаруживает несовпадения семантического состава в силу необходимости прагматической адаптации. Кроме того, для перевода КД агрессии характерна экспликация имплицитных смыслов.

9. Возмущения имеют схожие способы выражения в русском и английском языках и реализуются в ИТ и ТП в форме риторических вопросов, особенно часто в форме риторических вопросов-переспросов. Возмущения различаются по степени выражаемой эмоции. ПЭ достигается за счет добавления частиц.

10. В английском языке раздражение не имеет четкой лингвистически маркированной формы выражения. При переводе КД данного класса наблюдается тенденция к экспликации раздражения при помощи таких средств как порядок слов, добавление частиц, использование риторических вопросов. Кроме того, может меняться прагматическая форма выражения раздражения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конфронтационный диалог (КД) представляет собой особый вид дискурса, который связан с нарушением правил вежливости и с реализацией определенных конфронтационных стратегий и тактик – явлениями, обладающими четко выраженной лингвокультурной спецификой. В силу этого при переводе КД для достижения прагматической эквивалентности (ПЭ) зачастую требуется прагматическая адаптация. Нарушение правил вежливости и присутствие в тексте ликоугрожающих актов можно считать языковыми маркерами КД. Не смотря на то, что многие исследователи рассматривают термины конфронтации и конфликта как синонимичные, нами проводится разграничение данных понятий: конфронтация понимается более широко и определяется как вербальное противодействие, выраженное в речи одного из коммуникантов. В данной работе не поддерживается точка зрения некоторых ученых относительно конфронтации как нарушения Принципа Кооперации.

Разные отечественные и зарубежные исследователи неодинаково определяли понятие прагматической эквивалентности, но во всех проанализированных определениях так или иначе присутствуют два компонента: сохранение в переводе интенции и эффекта оригинала. На уровне самой мелкой единицы анализа КД – речевого акта – ПЭ определяется как сохранение в ТП иллокуции ИТ, способной вызвать аналогичный перлокутивный эффект. В более общем смысле ПЭ определяется как сохранение в переводе коммуникативного намерения ИТ при достижении аналогичного коммуникативного эффекта.

Поскольку определяющим фактором при достижении ПЭ перевода является интенция ИТ, собранный материал был распределен по интенции доминирующей конфронтационной реплики микродиалогов. В зависимости от интенции, доминирующей в том или ином КД, по-разному реализовывалась ПЭ. Было выделено две больших группы КД в зависимости

от общей интенции доминирующей конфронтационной реплики: конкурирующие и конфликтующие. Если в конкурирующих КД прагматическая адаптация требовалась в первую очередь для передачи в ТП степени категоричности интенции оригинала, то при переводе конфликтующих КД прагматическая адаптация в большей мере касалась передачи эмотивного компонента ИТ в ТП. Самым крупным классом среди конкурирующих КД оказались КД с доминирующим интерактивным актом несогласия, среди конфликтующих КД – КД с доминирующим иллюкутивным актом упрека.

Среди факторов, влияющих на выбор приемов достижения ПЭ и обуславливающих использование прагматической адаптации, помимо общей интенции доминирующей реплики, можно выделить также характер лежащего в ее основе РА: в переводах слитных РА, в которых присутствует обязательный эмотивный компонент, чаще наблюдалась прагматическая адаптация, чем в переводах простых РА. Самым частым приемом достижения ПЭ при переводе слитных РА является добавление различных интенсифицирующих компонентов – наречий, усилительных частиц и т.д. Кроме того, использование прагматической адаптации связано с тем, насколько функционально нагружена прагматическая форма выражения того или иного РА. Самую большую функциональную нагрузку несет прагматическая форма выражения упрека. Асимметрия функций, закрепленных за прагматическими формами выражения упрека в русском и английском языках, которая была выявлена при помощи анкетирования носителей обоих языков, является причиной трансформаций на уровне прагматической формы. Наименьшую функциональную нагрузку несут прагматические формы выражения интенции возражения. При переводе данного класса КД прагматическая эквивалентность достигалась при сохранении семантической, лексической и синтаксической структуры оригинала.

Различия в тактиках, используемых для выражения разных интенций в русском и английском языках, также могут являться причиной использования приемов прагматической адаптации для достижения ПЭ. Например, интенция раздражения, которая выводится в английском языке из контекста, зачастую эксплицируется в ТП. В целом русскому языку больше свойственно выводить на передний план эмотивный компонент слитных РА.

Приемы прагматической адаптации можно свести к следующим трансформациям: изменение прагматической формы выражения конфронтационной интенции, добавление интенсифицирующих компонентов, экспликация имплицитных смыслов, а также компенсация нарушений правил вежливости и различий в использовании конфронтационных стратегий и тактик.

Данная работа только положила начало исследованию КД в переводческом аспекте. Масштаб исследования не позволил провести подробный анализ тех случаев, когда тексты перевода полностью сохраняли структуру оригинала. Интересным представляется изучение того, в какой степени текст оригинала обуславливает выбор языковых средств выражения конфронтации в ТП, для чего потребуется дополнительно привлечь данные контрастивного анализа непереводных текстов. Кроме того, не хватает контрастивных исследований прагматики КД. Например, не до конца изучены функциональные различия в использовании прямых и косвенных форм выражения побуждения в русском и английском языках.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградова Н.В., Гаврилова Н.В. Интенциональные особенности конфронтации в коммуникативном диалоге // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия Гуманитарные науки: Педагогика. Психология. Социальная работа. Акмеология. Ювенология. Социокинетика. – 2012. – Т. 18, № 3. – С. 92-98.
2. Виноградова Н.В. Методы анализа диалогов в конфронтационном взаимодействии // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия Гуманитарные науки: Педагогика. Психология. Социальная работа. Акмеология. Ювенология. Социокинетика. – 2012. – Т. 18, № 3. – С. 73-76.
3. Гулакова И.И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Орел, 2004. – 19 с.
4. Гуревич Л.С. Коммуникативный акт vs. речевой акт: проблемы соотношения понятий // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – Т. 5. – № 1. – С. 103-108.
5. Гусаров Д.А. От прагматики высказывания к прагматике перевода // Армия и общество. – 2008. – №4 – С.102-108.
6. Дёмушкина Т.Н. Согласие и несогласие как типы речевых актов в английской диалогической речи // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – Спб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. – №3 – С.218-225.
7. Джобава И.М. Функционально-прагматический анализ не прямых реагирующих реплик англоязычного диалога : автореф. Дис. ... канд. филол. наук. – Спб., 2008. – 24 с.
8. Егер Г. Коммуникативная и функциональная эквивалентность // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике Сб. статей. / Под ред. В.Н. Комиссарова. – М.: Междунар. отношения, 1978. – С.137-156.

9. Заворуева Л.А. Применение стратегий и тактик речевого поведения в конфликтной ситуации общения на примере художественных произведений американских и английских писателей // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 5 (48). – С. 170-174.
10. Иванкова И.В., Макарова О.С. Речевой акт упрека в русском и немецком языках / Национальная Ассоциация Ученых. – 2015. № 9-3 (14). – М.: Общество с ограниченной ответственностью "Евразийское Научное Содружество". – С. 41-43.
11. Каразия Н.А. Прагмалингвистическое исследование акта упрека в контексте современной американской речевой культуры : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Петропавловск-Камчатский, 2004. – 24 с.
12. Карповская Н.В. К вопросу о проблеме прагматической эквивалентности в переводе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2011. – № 4. – С. 98-104.
13. Ковальчук Е.А. Квантитативно-системный подход к оценке качества перевода // Древняя и Новая Романия. – 2015. – Т. 16. – С. 507-523.
14. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
15. Королёва В.В. Конфронтационные коммуникативные стратегии в драматургическом диалоге // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии / Сб. ст. по материалам XLIV междунар. науч.-практ. конф. – 2015 – № 1 (44). – С. 53-58.
16. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – М: Рукописные памятники Древней Руси, 2009 – 512 с.
17. Латышев Л.К. Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы ее достижения. – М.: Междунар. отношения, 1981. – 248 с.
18. Мартынова Е.М. Типология явлений коммуникативного дискомфорта в ситуациях диалога : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Орел, 2000. – 18 с.

19. Мартынова Е.М. Невербальный аспект аномальной коммуникации : автореф. дис. ... доктора филол. наук. – Белгород, 2016. – 38 с.
20. Маслова А.Ю. Принципы и постулаты общения. Коммуникативные тактики и стратегии // Введение в прагмалингвистику. Учебное пособие. – М.: Издательство «Флинта»: Издательство «Наука», 2007. – С. 99-111.
21. Мельничук Н.В. Речевой конфликт и его регулирование средствами аргументации // *Lingua mobilis*. – 2013. – №2 (41). – С.37-40.
22. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. – 3-е издание, переработанное. — М.: Флинта: Наука, 2003. – 318 с.
23. Нойберт А. Прагматические аспекты перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике Сб. статей. / Под ред. В.Н. Комиссарова. – М.: Междунар. отношения, 1978. – С.185-201.
24. Певнева И.В. Коммуникативные стратегии и тактики в конфликтных ситуациях общения обиходно-бытового и профессионального педагогического дискурсов русской и американской лингвокультур: Автореф. дис. канд. филол. наук. Кемерово, 2008а. – 23 с.
25. Певнева И.В. Особенности реализации коммуникативных стратегий в конфронтационных ситуациях педагогического общения // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск: Челябинский государственный университет. – 2008б. – № 26. – С. 107-111.
26. Певнева И.В. Особенности реализации коммуникативных стратегий в конфронтационных ситуациях общения // Вестник Томского государственного университета. – № 321 / 2009. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет. – С. 30-31.
27. Плотникова М.В., Томилова А.И. О роли переводческого решения в достижении эквивалентности (на примере французских художественных текстов и их переводов на русский язык) // Педагогическое образование в России, 2015. – № 10. – С. 191-195.
28. Пospelова А.Г. Функциональный аспект изучения речевых актов: иллюкутивно-интерактивная характеристика. // Трехаспектность грамматики

(на материале английского языка). / Отв. ред. В.В. Бурлакова. – СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1992. – С. 68-85.

29. Пospelова А.Г. Косвенные высказывания // Спорные вопросы английской грамматики / Отв. ред. В.В. Бурлакова. – Л.: Изд-во Ленингр. Ун-та, 1998. – С. 141-152.

30. Пospelова А.Г. Речевые приоритеты в английском диалоге : дис. в виде научного доклада ... доктора филол. наук. – СПб, 2001. – 73 с.

31. Прошина З.Г. Теория перевода с английского на русский и с русского на английский (учебник). – 3-е изд., испр. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – 276 с.

32. Романов А.А. Вербальный конфликт в диалогической "игре" [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – Тверь: Тверская государственная сельскохозяйственная академия. – 2006. – Т.1. – № 5 – С.7-20. – Режим доступа: URL: http://tverlingua.ru/archive/005/5_1_1.htm (дата обращения: 8.10.2016).

33. Романов А.А., Костяев А.П. Типология актов вербальной агрессии в профессиональном общении // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. – Тверь: Тверской государственный ун-т, 2011. – № 1. – С. 15-27.

34. Романова Л.Г. Адекватность и эквивалентность как переводческие категории : автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Челябинский государственный университет, 2011. – 23 с.

35. Седов К.Ф. Агрессия как вид речевого воздействия [Электронный ресурс] // Прямая и непрямая коммуникация. – Саратов: «Колледж», 2003. – Режим доступа: <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/pryamaya-i-nepryamaya-kommunikaciya> (дата обращения: 21.04.2017).

36. Соловьева Е.В. Речевой акт возмущения как средство самопрезентации в политическом дискурсе (на примере текстов дебатов в Бундестаге) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2012. – №150. – С.65-70.

37. Третьякова В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения : автореферат ... доктора филол. наук. – Москва, 2003. – 36с.
38. Третьякова Т.П. О лингвистической интерпретации современных стереотипов // Вестник ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – Спб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. – С. 201-208.
39. Федорова Л.Л. Модели конфликтного общения // Конфликт в языке и коммуникации: Сб. статей / Сост. И отв. ред. Л.Л. Федорова. – М.: РГГУ, 2011. – С. 107-128.
40. Филиппова М.М. Выражение косвенного содержания в английском языке и литературе // Язык, сознание, коммуникация. – М.: ООО «МАКС Пресс», 2003. – С. 157-177.
41. Чахоян Л.П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка. – М.: «Высшая школа», 1979. – 168 с.
42. Чахоян Л.П. Коммуникативно-семантическая теория высказывания (на материале новоанглийского языка) : дис. ... доктора филол. наук. – Ленинград, 1980. – 390 с.
43. Чахоян Л.П. Общая теория высказывания // Спорные вопросы английской грамматики / Отв. ред. В.В. Бурлакова. – Л.: Изд-во Ленингр. Ун-та, 1998. – С. 122-140.
44. Швейцер А.Д. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты). – М.: Наука, 1988. – 215 с.
45. Шеллингер Т.Н. Нетрадиционно выделяемые коммуникативные единицы современного английского языка : автореф. ... канд. филол. наук. – Ленинград, 1986. – 16с.
46. Шилова С.В. Разработка принципов речевого общения: Основные направления и тенденции. – Спб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та., 1997. – 16 с.
47. Шилова С.В. Соблюдение и нарушение принципов речевого общения в деловой коммуникации (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук / Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 1998. – 219 с.

48. Шилова С.В. Использование концепции правил речевого общения // СПб., 2012. – С. 129-136
49. Austin J.L. How to do things with words. – Cambridge: Clarendon Press, 1962. – 168p.
50. Baker M. In Other Words: a Coursebook on Translation. – London: Routledge, 1992. – 304 p.
51. Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some universals in language usage [chapter 1, reprint] // N. Coupland, & A. Jaworski (Eds.), Sociolinguistics: critical concepts [volume III: Interactional sociolinguistics]. – London: Routledge, 2009. – P. 311-323
52. Gutt E.-A. Pragmatic Aspects of Translation: Some Relevance-Theory Observations // The Pragmatics of translation / Leo Hickey (ed.). – Clevedon: Multilingual Matters, 1998. – P. 41-53
53. Hatim B. Text Politeness: A Semiotic Regime for a More Interactive Pragmatics // The Pragmatics of translation / Leo Hickey (ed.). – Clevedon: Multilingual Matters, 1998. – P. 72-102
54. Hervey S. G. J. Speech Acts and Illocutionary Function in Translation Methodology // The Pragmatics of translation / Leo Hickey (ed.). – Clevedon: Multilingual Matters, 1998. – P. 10-24
55. Hickey L. Introduction // The Pragmatics of translation / Leo Hickey (ed.). – Clevedon: Multilingual Matters, 1998a. – P. 1-9
56. Hickey L. Perlocutionary equivalence: Marking, exegesis and recontextualization // The Pragmatics of translation / Leo Hickey (ed.). – Clevedon: Multilingual Matters, 1998b. – P. 217-232
57. House J. Politeness and translation // The Pragmatics of translation / Leo Hickey (ed.). – Clevedon: Multilingual Matters, 1998. – P. 54-71.
58. House J. Translation Quality Assessment: Linguistic Description versus Social Evaluation // Meta: Translators' Journal. – Routledge, 2001. – Vol. 46, Nr. 2 – P. 243-257

59. House J. Translation Quality Assessment: Past and Present. – NY: Routledge, 2015. – 171 p.
60. Koller W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft – 7., aktualisierte Aufl. – Wiebelsheim: Quelle und Meyer, 2004. – 343 S.
61. Leech G. Principles of Pragmatics. – London: Longman, 1983. – 250 p.
62. Leonardi V. Equivalence in Translation: Between Myth and Reality [Электронный ресурс] // Translation Journal. – Nr. 4 – 2000. – Режим доступа: <http://translationjournal.net/journal/14equiv.htm>. (дата обращения: 13.11.2016).
63. Locher M.A., Angouri J. Theorizing disagreement. – 2012. – Vol. 44. – P. 1549-1553.
64. Locher M.A. Interpersonal pragmatics and its link to (im)politeness research [Электронный ресурс] // Journal of Pragmatics. – 2015. – Vol. 86. – P. 5-10. – Режим доступа: www.elsevier.com/locate/pragma (дата обращения: 18.05.2016).
65. Malmkjær K. Cooperation and Literary Translation // The Pragmatics of translation / Leo Hickey (ed.). – Clevedon: Multilingual Matters, 1998. – P. 25-40.
66. Mey J.L. Concise Encyclopedia of Pragmatics. – 2nd Edition. – Oxford: Elsevier, 2009. – 1180 p.
67. Mey J.L. A Brief Sketch of the Historic Development of Pragmatics // The Oxford Handbook of the History of Linguistics / Edited by Keith Allan. – Oxford: OUP, 2013. – P. 587-612.
68. Morini M. Outlining a new linguistic theory of translation // Target. – Vol. 20 (1). – 2008. – P. 29-51
69. Morini M. The Pragmatic Translator: An Integral Theory of Translation. – London: Bloomsbury, 2013. – 240 p. – <https://ebookcentral.proquest.com/lib/stpeterst/reader.action?docID=1106817>
70. Nida E. A., Taber C.R. The Theory and Practice of Translation. – Leiden: E. J. Brill, 1982. – 218p. <https://ru.scribd.com/doc/6409197/Nida-E-a-Taber-C-R-The-Theory-and-the-Practice-of-Translation>

71. Nida E.A., de Waard J. From One Language to Another, Functional Equivalence in Bible Translating. – Nashville: Nelson, 1986. – 224 p.
72. Richardson B. Deictic Features and the Translator // The Pragmatics of translation / Leo Hickey (ed.). – Clevedon: Multilingual Matters, 1998. – P. 124-142
73. Searle J.R. Speech acts: An Essay in the Philosophy of Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1969. – 203 p.
74. Thomas J.A. The Dynamics of Discourse: A Pragmatic Analysis of Confrontational Interaction, unpublished Ph.D. thesis. – University of Lancaster, 1986. – 356p.
75. Tretyakova T.P. On Politeness in Translation // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2016. – Vol. 9. Nr. 3. – P. 653-661.
76. Wierzbicka A. Cross-cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction. Trends in Linguistics; Studies and Monographs. – 2nd edition. – Berlin: Mouton de Guyter, 2003. – 502 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

- ALJ – Amis K. Lucky Jim. – London: Penguin UK, 2010 – 288 p.
- ЭСДж – Эмис К. Я хочу сейчас ; Счастливчик Джим / Пер. с англ. – М.: ЛГ-Бестселлер, 1993. – 464 с.
- ЭВДж – Эмис К. Везунчик Джим. 2011. – 61 с. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://7lafa.com/pagebooks.php?id=98997> (дата обращения: 17.05.2017).
- BRT – Braine J. Room at the Top – London: Random House, 2014. – 240 p.
- БПН – Брэйн Дж. Путь наверх / пер. с англ. Т. Озерской и Т. Кудрявцевой. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – 148 с.
- СТГ – Churchill C. Top Girls. – London: Bloomsbury, 2008 – 110 p.
- ЧТГ – Черчил К. Top girls // Антология современной британской драматургии. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – С. 19-116.
- DTH – Delaney S. A taste of Honey. – London: Methuen, 1959. – 93 p.
- ДВМ – Дилени Ш. Вкус меда // Семь английских пьес. – М.: Искусство, 1968. – С. 7-90.
- HFQO – Harris J. Five Quarters of the Orange. – London: Black Swan, 2010. – 432 p.
- ХПЧА – Харрис Дж. Пять четвертинок апельсина / Пер. с англ. И. Тогоевой. – М.: «Эксмо», 2013. – 179 с. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://knijky.ru/books/pyat-chetvertinok-apelsina> (дата обращения: 15.05.2017).
- OLBA – Osborne J. Look Back in Anger // Three Plays – London: Criterion Books, 1958. – 7-98 p.
- ООГ 1 – Осборн Дж. Оглянись во гневе // Пьесы / Дж. Осборн; пер. с англ. Д. Урнова – М.: «Искусство», 1978. – С. 4-96.
- ООГ 2 – Осборн Дж. Оглянись во гневе // Иной ракурс. Восемь пьес в переводе Михаила Стронина. – Спб.: Балтийские сезоны, 2014. – С. 373-462.
- RHP – Rowling J.K. Harry Potter and the Philosopher's Stone – London: Bloomsbury, 1997. – 223 p.

РГП 1 – Роулинг Дж. Гарри Поттер и философский камень / Пер. с англ. И.В. Оранского. – М.: «Росмен», 2008. – 352 с.

РГП 2 – Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и философский камень / Пер. с англ. М. Спивак. – М.: Махаон, 2014. – 432 с.

ShP – Show G. B. Pygmalion // Pygmalion and Major Barbara. – NY: Random House, 2008. – P. 185-336.

ШП 1 – Шоу Б. Пигмалион / Пер. с англ. Е. Калашниковой // Избранные произведения в двух томах. Том 2. – М.: Гослитиздат, 1956. – С. 198-268.

ШП 2 – Шоу Б. Пигмалион / Пер. с англ. П. Мелковой // Избранное : Пьесы. – М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 1999. – С. 35-107

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СПРАВОЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ

ТСЕ – Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000 [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.efremova.info/> (дата обращения: 18.05.2017).

MWD – Merriam-Webster's Dictionary [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 18.05.2017).

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ИТ – исходный текст

ИЯ – исходный язык

КД – конфронтационный диалог

ПВ – Принцип Вежливости

ПК – Принцип Кооперации

ПЭ – прагматическая эквивалентность

РА – речевой акт

ТП – текст перевода

ЯП – язык перевода

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение 1

Анкета на английском языке

Reproach in the English Language

* 1. Imagine a situation in which your friend did something without having thought it through properly. How would you express your criticism (pointing out that you should think first before doing)? What exactly would you say?

---

* 2. Which utterance sounds more friendly?

You shouldn't have done this.

Why did you do that?

Other (please specify)

* 3. Your friend complains that s/he failed to do something and blames the circumstances. You want to point out that s/he didn't really want to do this. Which form is more friendly?

Did you want to?

If you'd wanted to you'd done it.

You didn't want to, did you?

Other (please specify)

* 4. Imagine that you have a conversation and you think that your partner is a bit rude. How would the following situations influence your choice of how to say it? (Match each situation with an utterance)

	You want to make a slight reproach in a friendly way	You make a sharp reproach but not necessarily an unfriendly one. You clearly show your disapproval.	You are quite angry and you might sound offensive but you don't care.	This utterance sounds unnatural to me.
Don't be so rude.				
Do you have to be so rude?				
I'd rather you didn't talk so rudely.				
How can you be so rude!				
You needn't to be so rude.				

There's no need to be so rude.				
I don't think there is any call to be so rude.				
Why do you have to be so rude?				

* 5. You talk to a person who has done something you disapprove (e.g. didn't keep their promise). How would the following situations influence your choice of how to say it? (Match each utterance with a situation)

	You want make only a slight reproach in a friendly way.	You make a sharp reproach but not necessarily an unfriendly one. You clearly show your disapproval.	You are really angry. You want to get the message across and you don't care if you sound unfriendly.	The utterance sounds unnatural to me.
Why didn't you keep your promise?				
Don't you know that it is wrong to break your promises?				
You didn't keep your promise.				
You shouldn't have promised.				
You had to make promises, hadn't you?				
Don't make promises you can't keep.				
You didn't keep your promise, did you?				
How could you break your promise!				

* 6. What is your age?

14 to 19

40 to 49

70 or older

20 to 29

50 to 59

30 to 39

60 to 69

Приложение 2

Анкета на русском языке

Упреки в русском языке

* 1. Представьте себе бытовую ситуацию, когда близкий Вам человек сделал что-то, не подумав. Вы не одобряете его поступок и хотите указать на то, что надо сначала думать. Как Вы сформулируете свой упрек? (Напишите свой вариант).

---

* 2. Какое высказывание звучит более дружелюбно?

Не надо было так поступать.

Зачем ты это сделал?

Другое

* 3. Вы хотите упрекнуть своего собеседника в том, что он является недостаточно целеустремленным. Какой вариант упрека звучит более дружелюбно?

А ты хотел?

Если бы ты хотел, ты бы сделал.

Разве ты хотел?

Ты ведь не хотел.

Другое:

* 4. Во время разговора Вы замечаете, что Ваш собеседник грубоват. Как следующие ситуации могут повлиять на то, какую форму упрека Вы выберете? (Соотнесите каждое высказывание с одной ситуацией).

	Вы хотите мягко упрекнуть собеседника в дружелюбной форме.	Вы хотите, чтобы Ваш упрек прозвучал ясно, но не агрессивно.	Вы хотите выразить резкий упрек (агрессивный и эмоциональный).	Звучит странно.
Не надо грубить!				
Обязательно грубить?				
Не груби!				
Можно было бы и не грубить!				
Как можно быть таким грубым!				
Ты не можешь не грубить?				
Грубить нет необходимости.				
Зачем грубить?				

* 5. Вы не одобряете поступок человека, с которым разговариваете (например, он не сдержал своего обещания). Как следующие ситуации могут повлиять на то, как Вы сформулируете свой упрек? (Соотнесите каждое высказывание с одной ситуацией).

	Вы хотите только мягко упрекнуть собеседника в	Вы хотите, чтобы Ваш упрек прозвучал ясно, но не	Вы хотите выразить резкий упрек (агрессивный и	Звучит странно.
--	--	--	--	-----------------

	дружелюбной форме.	агрессивно.	эмоциональный).	
Почему ты не сдержал обещания?				
Разве можно нарушать свои обещания?				
Разве ты не знаешь, что нарушать свои обещания – это плохо?				
Ты не сдержал своего обещания.				
Не надо было обещать.				
Ну зачем было обещать!				
Не обещай, если не можешь выполнить.				
Как ты мог нарушить свое обещание!				

* 6. Какое высказывание звучит более дружелюбно?

Зачем ты это сделал?

Зачем ты это делаешь?

Не знаю.

* 7. Укажите, пожалуйста, Ваш возраст!

14 - 19

20 - 29

30 - 39

40 - 49

50 - 59

60 - 69

> 70